

«И сами, как живые
камни, устройте
из себя дом духовный»

В газете использованы
материалы сайтов sf.ru и psmb.ru
Статьи публикуются на сайте gazetakifa.ru

8

(226)
июнь 2017

12+

Издание Преображенского содружества
малых православных братствОдобрено Синодальным информационным
отделом Русской Православной Церкви

С. 6

В конце эпохи церковного возрождения

В июне этого года исполнилось 20 лет с момента провокации в московском храме Успения в Печатниках. Это и многие другие события середины 1990-х ознаменовали собой радикальный поворот в только-только начавшей возрождаться церковной жизни

С. 7

На границах экклезиологии

Мы заканчиваем публикацию интервью с участниками конференции СФИ по экклезиологии обсуждением проблем, «пограничных» с другими дисциплинами. На вопросы «Кифы» отвечают кандидат медицинских наук Б.А. Воскресенский и доктор философских наук Г.Б. Гутнер

С. 8

«На Россию надвигается полоса казней египетских»

За два с небольшим месяца до открытия Поместного собора в Москве прошёл Всероссийский съезд духовенства и мирян. Несмотря на противоречивое отношение участников к происходящим в стране событиям, он показал их готовность не нарушать церковное единство

Приложение «Открытая встреча»

В этом выпуске – фрагмент открытой встречи, проходившей в мае этого года в Санкт-Петербурге. А ещё свидетельства о пути к Богу и в Церковь – не рассказы, не воспоминания, как это бывало в прежних номерах, а стихотворные размышления двух братьев, недавно прошедших катехизацию

Тема номера Память

«Екатеринбургъ 1917. Город, которого нет»

Общегородской выставочный проект по благословению митрополита Екатеринбургского и Верхотурского Кирилла подготовлен Свято-Екатерининским и Свято-Елизаветинским малыми православными братствами

2 июня в Екатеринбурге стартовал общегородской выставочный проект «Екатеринбургъ 1917. Город, которого нет», приуроченный к 100-летию трагических событий в России. В рамках этого проекта на территории Крестовоздвиженского монастыря открылась выставка, посвящённая традициям милосердия в дореволюционном Екатеринбурге. На экспозиции представлены фотоматериалы, исторические и статистические данные, связанные с историей приютов, благотворительных обществ и людей, добровольно бравших на себя заботу о своих обездоленных согражданах.

Открыл выставку митрополит Екатеринбургский и Верхотурский Кирилл: «В нашем городе сто лет назад произошло страшное злодеяние, которое не может быть забыто, пока жив человек. Очень важно, чтобы в 2017 году мы, как

люди, несущие особую ответственность за то место, в котором живём, стали привлекать внимание к истории нашего города. Это первая площадка, которую мы открыли в Екатеринбурге в рамках этой выставки, и она говорит о доброте. Не о злобе, не о разрухе, но о том, что дает человеку возможность воспринять, сделать что-то доброе и полезное в своей жизни. Многие люди забыли о том, что у них есть сердце – орган, дарованный Господом. Тем не менее, в каждом сердце теплится желание быть богоподобным, то есть творить добро».

Олег Глаголев, председатель Свято-Елизаветинского православного братства, отметил: «Год столетия русской революции – это время, когда мы можем совершать дела покаяния, в котором народ наш нуждается, чтобы всё доброе, что было в нашей истории, не было безвозвратно утрачено».

Окончание на с. 2

Русскому православию и поныне есть что сказать миру

Из слова духовного попечителя Преображенского братства священника Георгия Кочеткова после поездки в Италию

Дорогие братья и сёстры, какое-то время мы с вами, к сожалению, не виделись. Только этой ночью я вместе с группой членов нашего братства вернулся из довольно большого, почти двухнедельного паломничества в Италию, о котором хочу сказать несколько слов.

Сначала мы прилетели в Милан, а оттуда отправились в монастырь Бозе, кото-

рый многим из вас хорошо известен. Этот монастырь – один из самых влиятельных сейчас в Италии. Когда-то они начинали как община, и так и назывались – «община Бозе»: она возникла после II Ватиканского собора, в 60-е годы XX века (в каком-то смысле они наши ровесники. Мы чуть помладше, потому что группа, из которой со временем родилось наше братство, образовалась в конце 1960-х годов).

Монастырь в Бозе. Отец Георгий Кочетков с группой и братом Адальберто Майнанди

Окончание на с. 4

Соборность вчера и сегодня

В VIII «Краковских встречах», посвящённых наследию Алексея Степановича Хомякова, приняли участие представители СФИ

Восьмые «Краковские встречи» по русской философии, организованные философским факультетом Папского университета Иоанна Павла II (Краков), Институтом философии Эдит Штайн (Гранада) и Международным центром по изучению христианского Востока (Гранада), собрали в Бенедиктинском аббатстве в Тынце более 50 человек из России, Польши, Украины, Словакии, Италии, Испании, Франции, Бельгии, Швеции, Англии, Аргентины, США, Израиля и других стран. Научный комитет конференции возглавляла профессор сестра Тереза Оболевич (Папский университет Иоанна Павла II). В конференции приняли участие первый проректор Свято-Филаретовского института Дмитрий Гасак, старший преподаватель СФИ Лидия Крошкина и выпускница СФИ Инна Ткаченко

Один из центральных вопросов, поставленных богословскими поисками Хомякова перед его друзьями из славянофильского круга, – вопрос об отличиях развития христианства на русской почве от эволюции европейского христианства. Дмитрий Гасак в докладе «Идея христианской соборности А.С. Хомякова: проекция церковного единства на общественную жизнь» размышлял о соотношении соборной природы Православной церкви с идеями, полагавшимися славянофилами в основание общественного единства тогдашнего российского общества, а также о влиянии идеи соборности на церковь и общество в современной России. Он поставил вопрос: возможен ли сегодня, когда и православная, и антихристианская государственная политика и идеология остались в прошлом, «новый

А.С. Хомяков. Фотопортрет конца 1840-х – начала 1850-х гг.

синтез церковного и общественного, религиозного и светского?»

Лидия Крошкина представила доклад «Попробуем осуществить подлинную христианскую соборность»: мать Мария (Скобцова) об А.С. Хомякове и воплощении его идей». Видевшая своё и своих ближайших сподвижников призвание в том, чтобы практически воплощать церковные интуиции русских мыслителей, и прежде всего Хомякова, мать Мария стремилась не просто осознать над собой купол Церкви, но стать одним из её «живых камней».

Окончание на с. 2

«Екатеринбургъ 1917. Город, которого нет»

Начало на с. 1

«Мы надеемся, что эта выставка и экскурсии, которые здесь будут проходить, найдут отклик у наших современников, помогут нам приобщиться ко всему, что в истории нашего народа достойно уважения и возродения», – добавил Олег Глаголев.

В течение 2017 года организаторы общегородского выставочного проекта планируют открыть пять экспозиционных площадок, посвящённых различным аспектам традиционной жизни дореволюционного города: судьбам выдающихся людей, культурной и общественной жизни, храмам и усадьбам Екатеринбурга.

Выставочный проект задумывался как интерактивный, поэтому принять участие в дальнейшей его работе может каждый горожанин. На одном из стендов организаторы планируют разместить сохранившиеся фото-

графии людей, живших в Екатеринбурге в начале прошлого века, или значимых моментов истории города. Отсканированные фотографии уже сейчас можно присылать на адрес электронной почты Ekaterinburg1917-albom@yandex.ru. Наиболее интересные фотографии и биографии организаторы планируют издать отдельной книгой в ноябре 2017 года.

Общегородской выставочный проект «Екатеринбургъ 1917. Город, которого нет» проходит по благословению митрополита Екатеринбургского и Верхотурского Кирилла и подготовлен Свято-Екатерининским и Свято-Елизаветинским малыми православными братствами.

Сайт Екатеринбургской митрополии
Фото на с. 1 с сайта митрополии
Фото на с. 2 – фотограф Игорь Лискин

Соборность вчера и сегодня

Начало на с. 1

В VIII «Краковских встречах», посвященных наследию Алексея Степановича Хомякова, приняли участие представители Свято-Филаретовского института

Доклад Д.С. Гасака был посвящён проекции церковного единства на общественную жизнь

Лидия Крошкина напомнила, что организованное матерью Марией в 1935 году объединение «Православное Дело» было не просто благотворительной организацией, а в первую очередь сообществом, которое пыталось осуществить «соборно-личный метод», противопоставить всем лживым отношениям между людьми подлинное человекообращение.

Инна Ткаченко рассказала о том, как учение Алексея Хомякова о соборности воплотилось в опыте его собственного христианского служения.

В докладах затрагивались влияние мысли Хомякова на славянофилов и русскую религиозно-философскую традицию, отражение его богословских взглядов в художественном наследии Николая Лескова (Марта Лукашевич, Варшавский университет), рецепция идеи соборности в наследии митрополита Антония (Хра-

повицкого) (Елена Борисова-Юрковская, Варшавский университет), в творчестве членов «Новосёловского» кружка (Анна Резниченко, РГГУ), присутствие идей старших славянофилов в размышлениях неославянофилов-«путейцев» (Олег Марченко, РГГУ), отражение концепции Церкви-общины в христианском персонализме А. Мейера и М. Пришвина (Елена Кнорре, ПСТГУ), рецепция идей Хомякова в творчестве Елизаветы Скобцовой (Наталья Ликвинцева, Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына) и многие другие вопросы.

Ключевой была тема соборности – богословской интуиции Хомякова, которую устроители и участники конференции по прошествии лет находят всё более своевременной и актуальной. Признавая важность историко-философских изысканий в этой области, организаторы

подчёркивают, что «необходимо превозмочь некий комплекс, сводящий исследование к некоторому подобию “экзотической философской археологии”», ведь когда философия начинает сводиться исключительно к исследованию прошлого, она перестает быть философией (то же происходит и с богословием).

По мнению устроителей «Краковских встреч», работы Хомякова «предстают сегодня как провокация, помогающая нам снова защитить христианскую мысль от колонизации модерна, вывести её из пустыни просвещенческой отвлечённости, чтобы она вновь смогла помочь современному человеку найти настоящую альтернативу: пространство любви и истины, живой опыт Церкви». Обращаясь к наследию Хомякова, в котором Церковь открывается как связанный с обществом, но несводимый лишь к социальному институту или доктрине «живой организм истины и любви, насыщенный духом соборности», участники конференции попытались вынести из мысли Алексея Степановича нечто для современной церковной и общественной жизни.

В конференции приняли участие представители Московского государственного университета, Санкт-Петербургского государственного университета, Российской национальной библиотеки, НИУ ВШЭ, Образовательного фонда имени братьев Сергея и Евгения Трубецких, Библиотеки истории русской философии и культуры «Дом А.Ф. Лосева», Череповецкого государственного университета, Университета Хасселт (Бельгия), Колледжа Святой Схоластики (США), Стэнфордского университета, Техасского университета в Остине, Университета Марии Склодовской-Кюри (Польша), Полтавского национального технического университета имени Юрия Кондратюка (Украина), Университета Лион-3 имени Жана Мулена (Франция), Словацкой академии наук, Университета имени Коменского в Братиславе, Трнавского университета, Аргентинского папского католического университета и других научных и образовательных институтов

Софья Андросенко
Сайт Свято-Филаретовского института

Митрополит Иларион ответил на обвинения в «расколе общества» посредством «антисоветских высказываний»

«Митрополит Иларион, не думаете ли Вы, что Ваши антисоветские высказывания раскалывают общество?» – этот риторический вопрос был задан митрополиту Волоколамскому Илариону, главе Отдела внешних церковных связей Московского патриархата, в ходе презентации его новой книги «Притчи Иисуса» 1 июня в книжном магазине «Москва».

Вопрос стал реакцией на неоднократные публичные выступления митрополита Илариона, в которых он давал отрицательную оценку Ленину, Сталину и советскому тоталитарному режиму.

Митрополит Иларион дал развернутый ответ: «Я не думаю, что моя позиция раскалывает общество. У нас всё-таки общество свободное, каждый может высказывать своё мнение. Некоторые люди очень активно высказываются в защиту таких персонажей нашей истории, как Ленин и Сталин. Некоторые говорят, что и гонений на Церковь не было, что репрессий не было, что те, кто в лагерь попали, сами виноваты, а может, и лагерей не было».

Глава ОВЦС не связывает общественное примирение с тактикой «замалчивания исторических фактов». «Эти факты есть, и мы должны о них размышлять, делать выводы. Я не думаю, что обращение к этим фактам может общество расколоть». Митрополит Иларион подчеркнул, что в год столетия российской революции «было бы странно, если бы мы просто обходили молчанием эти события, как будто их не было, как будто не было жертв, в том числе – в наших семьях».

Благовест-инфо

Издание Преображенского содружества малых православных братств

Кифа

Одобрено Синодальным информационным отделом Русской Православной Церкви (Свид. №081 от 3 мая 2011 г.).
Главный редактор:
А.В. Колымагина

Адрес редакции и издателя:
105062, г. Москва,
ул. Покровка, д. 29

Тел./факс: +7 (495) 624-9250

Электронный адрес редакции:
gazetakifa@gmail.com

Подписной индекс в агентстве Роспечать – 19601

Над номером работали:
Анастасия Наконечная, Максим Дементьев, Александр Копировский, Елена Шевелева, Дмитрий Дорошко, Светлана Калинина, Татьяна Тыртыш, Мария Кайкова
Дизайн и верстка: Марина Подкопаева
Учредитель: Культурно-просветительский фонд «Преображение».
Газета издается с октября 2002 г.
Культурно-просветительский фонд «Преображение».
Все права защищены.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов.

Нашу газету можно приобрести:
в интернет-магазине predanie.org;
в Москве: в редакции (в настоящее время находится в помещении СФИ – ул. Покровка, д. 29, оф. 38);
в Санкт-Петербурге: в киоске «Предание», тел. +7-963-316-37-81
в Париже: в магазине «YMCA-Press»: 11, Rue de la Montagne Ste Genevieve
Телефоны распространителей
Москва:
+7-910-421-64-60
(Анна Гринман),
+7-903-100-93-73
(Денис Кудряшов)
Санкт-Петербург:
+7-963-316-39-81
(Анастасия Наконечная)
Архангельск: +7-921-073-32-76
(Надежда Макурина)

Вельск: +7-921-247-11-37
(София Кудрявцева)
Воронеж: +7-950-763-50-35
(Александр Терехов)
Екатеринбург: +7-904-388-03-91
(Татьяна Благодарева)
Рязань: +7-920-632-06-71
(Сергей Гаврилов)
Северодвинск: +7-909-551-20-11,
(Татьяна Колпакова)
Тверь: +7-909-266-88-83,
+7-905-551-02-70 (Олег Ермолаев)
Тула: +7-920-746-69-73
(Марина Писаревская)
Электросталь: +7-926-787-43-05
(Ольга Кузнецова)
США, Канада: 1-651-210-49-22,
oleg@voskres.net
(Олег Воскресенский)

Газета зарегистрирована Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-46907 от 5 октября 2011 г.
Отпечатано в типографии «Бюрок», г. Москва, ул. Складочная, дом 6, строение 3.

Тираж 1350. Цена свободная.
Выпуск подписан в печать 28 июня 2016 г.
Время подписания в печать: по графику – 9.00, фактическое – 9.00.
Дата выхода в свет 30 июня 2016 г.

gazetakifa.ru

На богословском факультете СФИ защитились 23 бакалавра теологии

20–21 июня в Свято-Филаретовском институте состоялись защиты выпускных квалификационных работ. Государственная аттестационная комиссия работала под руководством профессора Алексея Борисовича Мазурова, доктора исторических наук, ректора Московского государственного областного социально-гуманитарного института. По результатам защит двадцать три выпускника богословского факультета стали бакалаврами теологии.

Хотя современный государственный образовательный стандарт не требует рецензирования бакалаврских работ, Свято-Филаретовский институт много лет сохраняет эту традицию, благодаря чему защиты сопровождаются научной дискуссией с участием специалистов из разных вузов и всегда приносят студентам, преподавателям и слушателям настоящее интеллектуальное наслаждение.

В этот раз в представленных к защите работах исследовался широкий круг тем по церковной истории, катехетике, литургике, в том числе: различные аспекты катехизической практики II–V веков (церковные требования к оглашаемому, место вероисповедных формул в оглашении), происхождение отдельных элементов евхаристической молитвы, деятельность выдающихся церковных личностей начала XX века (священника Константина Аггеева, Сергея Дурылина), отдельно взятые проблемы церковной жизни в СССР, церковно-государственные отношения в первые годы советской власти, взаимоотношения церкви с интеллигенцией в постсоветское время, деятельность христианского молодёжного движения «Syndesmos» и многие другие.

Расскажем коротко лишь о нескольких квалификационных исследованиях.

Замечательную работу «Проблемы церковно-общественной жизни России в докладах Московского религиозно-философского общества памяти Владимира Соловьёва» представил к защите Александр Волков.

Александр Волков

Общество памяти Владимира Соловьёва (МРФО), просуществовавшее с 1905 по 1918 год, идейно сформировалось вокруг недавних марксистов Сергея Булгакова и Николая Бердяева, ставивших задачу «христианизировать и воцерковить этический идеализм русской интеллигенции, чтобы затем её усилиями духовно преобразовать всё общество» и тем самым воплотить сформулированные Владимиром Соловьёвым идеи христианской политики и общественной жизни. Тематика и содержание докладов, прозвучавших на заседаниях МРФО, проанализирована в работе с точки зрения отражения в них актуальных проблем церковно-общественной жизни России начала XX века.

Как отметил председатель Государственной аттестационной комиссии Алексей Борисович Мазуров, общество памяти Владимира Соловьёва «находилось в авангарде историософских и философских поисков своего времени, собирало большую аудиторию – от сорока до двухсот человек, причем люди платили за то, чтобы присутствовать на

этих заседаниях, и приходили в восторг, особенно девушки – можно встретить в исследовании и такую любопытную деталь».

Рецензент Алексей Павлович Козырев, кандидат философских наук, доцент кафедры истории русской философии, заместитель декана философского факультета МГУ, напомнил, что МРФО, которое «было настоящим центром русской религиозной философии в Москве начала века, где встречались представители разных политических и культурных сред, вызвало целый шлейф подражаний в России – это не только Религиозно-философское общество в Петербурге. «Буквально везде, даже в малых городах России, возникали неформальные сообщества людей, которые обсуждали сходные темы, а это значит, что этот процесс не был «декретирован сверху», подобно, скажем, университетским кафедрам, это было ответом на какой-то запрос времени», – отметил Алексей Павлович. Многие доклады на церковные темы впоследствии легли в основу ключевых трудов деятелей МРФО и получили развитие в их религиозно-философских концепциях.

По общему мнению председателя Государственной аттестационной комиссии А.Б. Мазурова, рецензента А.П. Козырева и научного руководителя, учёного секретаря СФИ доктора филологических наук Юлии Валентиновны Балаксиной, особую ценность представляет приложение, по объёму практически равное самой работе.

«Это самый полный на сегодняшний день контент по хронике МРФО памяти Владимира Соловьёва: указывается и перечень всех докладов, и краткое содержание там, где это возможно, и отклики на них в письмах, полемике, воспоминаниях», – сказал Алексей Павлович Козырев.

Анастасия Фаронова под научным руководством старшего преподавателя СФИ Екатерины Александровны Алексеевой исследовала положение приходов в Русской церкви в XVII веке по материалам Московского уезда.

Анастасия Фаронова

Рецензент доцент СФИ кандидат исторических наук Элла Евгеньевна Рожкова отметила особое внимание, которое уделено в работе внутреннему устройству прихода и его динамике, что редко становилось предметом специального исследования в существующей литературе по этой теме. «Самостоятельная интерпретация данных источников приводит автора к очень важному выводу о существовании большого многообразия форм организации церковной жизни (часовенный приход, келейный, покаяльная семья и другие), существовавшего на Руси в дореформенный период», – сказала рецензент. Также она похвалила студентку за внимательное рассмотрение вопроса об изменении значения и использования основных терминов, обозначающих церковные округа и административные единицы («погост», «уезд», «переезд»,

После защиты

«предел», «передел», «доход» и собственно «приход»).

Самостоятельное исследование, основанное на хорошо проработанной историографии вопроса, привело автора к выводу, что Московский уезд стал своеобразной «экспериментальной площадкой» для проверки патриарших реформ XVII века, позже проведённых на территории всей Русской церкви и приведших к «наведению церковного порядка и усилению административного контроля над приходами».

Александр Лятс представил работу «Дискуссия о преобразованиях в богослужбной жизни Православной Российской Церкви в предсоборный период и на Поместном Соборе 1917–1918 годов».

Как отметил научный руководитель заведующий кафедрой церковно-исторических дисциплин СФИ кандидат исторических наук Константин Петрович Обозный, актуальность обращения к попыткам реформирования богослужбной жизни в начале XX века в России связана с тем, что «несмотря на прошедшее столетие, православная церковь в России не только не приблизилась к разрешению обсуждаемых на Соборе проблем, но и отчасти отдалась от того уровня осознания и готовности трудиться над усовершенствованием богослужбной стороны жизни церкви».

В приложениях к работе Александр Лятс приводит данные, демонстрирующие интерес епархий к проблемам устава, богослужбного языка, исправления и перевода богослужбных книг. Проанализированы различные подходы и аргументы сторон по этим вопросам, высказанные в отзывах епархиальных архиереев, Предсоборном совете и в подотделе о богослужбном языке Отдела о богослужении, проповедничестве и храме Поместного собора.

Исследованию изначальных форм и развития христианского чина погребения в X–XII веках в Византии посвящена работа Юлии Штонды, обобщающая основные литургические источники этого времени, святоотеческие комментарии

и позиции учёных по данному вопросу. Хорошо известный чин погребения предлагает «плакать и рыдать» над усопшим, и, как отметила научный руководитель декан богословского факультета СФИ Зоя Михайловна Дашевская, обнаружить в нём свидетельство о победе Христа над

Юлия Штонда

всяким началом тления и смерти и надежду на всеобщее воскресение довольно затруднительно. Студентке удалось показать, что изначальный смысл службы погребения – рождение человека в новую жизнь, и потому он является «утешением для живущих, переживающих потерю близкого человека, через утверждение надежды на совоскресение со Христом».

«Видно, что каждый человек под руководством своего наставника проделал большой путь», – сказал, подводя итоги двухдневной работы, председатель Государственной аттестационной комиссии Алексей Борисович Мазуров. – Показательно, что у нас нет ни одной тройки». Также он поздравил выпускников, защитившихся на «отлично», и призвал тех, у кого есть перспективы дальнейшего обучения в магистратуре, «пользоваться этим, пока есть время».

Автор: Софья Андросенко Фото: Александр Волков, Алёна Каплина, Сергей Калинин Сайт Свято-Филаретовского института

Особый интерес защитам придает участие рецензентов. Выступает Алексей Павлович Козырев, кандидат философских наук, доцент кафедры истории русской философии, заместитель декана философского факультета МГУ

Русскому православию и поныне есть что сказать миру

Из слова духовного попечителя Преображенского братства священника Георгия Кочеткова после поездки в Италию

Начало на с. 1

Но потом община Бозе всё-таки решила стать монастырём; что-то при этом изменилось, но что-то не изменилось. Мы с ними дружим уже четверть века и все 25 лет участвуем в их ежегодных конференциях, посвящённых православной духовности. Мы, конечно, помним всех тех, кто участвовал в этих конференциях, или кто принимал нас прежде. Эти встречи были всегда замечательными, очень тёплыми, радушными, открытыми, дружескими – вот то, чего порой не хватает нам, православным – почему-то у нас иногда считается, что первым признаком духовности и молитвенности являются насупленные брови. И вот эта обстановка мира, радости, дружелюбия, гостеприимства, конечно, всегда покоряла, тем более, что монастырь расположен в предгорьях Альп, где вся природа умиротворяет и словно прославляет Господа.

Удивительно, какой интерес к нашей жизни существует в этом монастыре. Такое не всегда встретишь за рубежом, но в Бозе мы как раз с таким интересом столкнулись, особенно в этот раз. Как это ни удивительно, за столом во время обеда возникла тема, связанная с современной жизнью в нашей стране и, в частности, с Акцией национального покаяния. Сначала это было непонятно итальянцам (там, в монастыре, в основном итальянцы, хотя есть и насельники из разных стран). Они немного побаиваются таких тем, и вы сами понимаете почему. Даже если не касаться проблем времён Второй мировой войны, достаточно вспомнить, что после неё в Италии всегда была сильна коммунистическая партия, была даже опасность того, что страна станет коммунистической. Поэтому критически говорить о наследии советского времени там достаточно сложно. Но разговоры были очень интересные.

Мне очень понравилось то, что с нашей стороны говорили не только один-два человека, не только старшие, но все мы. А мне как раз очень хотелось, чтобы никто не стеснялся и все могли вступать в живой открытый диалог с людьми, которые во многих отношениях хорошо подготовлены. Надо сказать, наши братья и сёстры нигде в грязь лицом не ударили – это было очень приятно. И тема Акции национального покаяния, случайно возникшая в те дни, вдруг стала развиваться. Нам стали задавать вопросы, и в конце нашего недельного пребывания в Бозе, когда на проводы нашей группы собралась половина всей общины, человек 35, нас спрашивали только об этом. И мне пришлось рассказывать целых 40 минут о том, как мы это понимаем и что при этом делаем. Ну, вам этого рассказывать не надо, вы всё сами хорошо знаете. Многие из вас участвуют в этой акции, которая проходит по всей России и даже за рубежом в связи со столетием 1917 года, ставшего началом Русской Катастро-

фы – Катастрофы, сейчас существующей скорее в форме катастрофы антропологической. К сожалению, последствия её не преодолены до сих пор.

Интересно, что когда мы поехали в Челоле (это отделение монастыря Бозе, где всего 5 монахов, и нам было очень интересно, как могут 5 человек содержать большой монастырь, где 8,5 гектаров земли, огромное количество виноградных лоз, при том, что из этих пяти человек не все молодые), оказалось, что кто-то из насельников Бозе уже успел поделиться с ними своим впечатлением от наших рассказов об Акции национального покаяния, и там нас тоже стали просить рассказать об этом. Вот этот живой интерес нас, конечно, очень порадовал, так же как и желание всегда помогать и делать это без всякой суеты, без спешки, без раздражения. Чувствовался дух, родственный всем тем христианским общинам и братствам, которые мы знаем, хотя они и немногочисленны везде. Во всех поместных православных церквях, и в католической церкви, и в многочисленных протестантских деноминациях общин и братств очень мало. И тем не менее к нашему времени они стали уже вполне определённо составлять своеобразную квинтэссенцию всей церковной жизни. Это наиболее подготовленные, наиболее верные, наиболее смелые люди, что очень важно в наше время и для свидетельства, и для миссии, а в нашем случае – и для катехизации.

Передать всё на словах, конечно, невозможно. Скажу только, что потом из Челоле мы уехали в другое отделение монастыря Бозе, в монастырь Сан-Массео, т. е. святого Максима, в Ассизи. Мы целый день провели в самом городе Ассизи, где жили и погребены святой Франциск Ассизский и святая Клара, его собеседница, духовная сестра и ученица. Конечно, весь город наполнен францисканским духом, и многие люди приезжают туда специально ради этого. В базилике Сан-Франческо мы познакомились со множеством интереснейших росписей Джотто, Симоне Мартини, Пьетро Лоренцетти и других итальянских художников эпохи раннего Возрождения. Интересным оказался и разговор с монахами, которых, как оказалось, волнуют примерно те же проблемы, что и нас – и проблемы устройства церкви, и проблемы передачи веры новому поколению, которое очень далеко уходит иногда от христианства – даже при христианских родителях. Это не только наша проблема, это проблема всей Европы. И хотя в Италии это меньше всего чувствуется, всё равно они бьют в колокола.

Мы не подбирали состав нашей группы. Там были и сотрудники Свято-Филаретовского института, и студенты, и наши выпускники, но были и люди, которые не учились в нашем институте

В иконописной мастерской монастыря в Бозе

или только-только начинают свою учёбу. И при этом никто не «проваливался». Каждый обрёл своё место, и это тоже та гармония, которую так высоко ценят в Италии. На тех, кто нас принимал, это производило большое впечатление, а на нас производило большое впечатление их впечатление от нас. Это действительно уникально, это действительно чрезвычайно редко, особенно на уровне не просто индивидуальном. Бывает, что между двумя людьми, которых можно назвать приятелями, друзьями, знакомыми, сотрудниками, выстраиваются отношения, иногда долго, на протяжении многих лет, и вот рождается доверие, какой-то взаимный интерес. Но гораздо важнее, когда такие живые неформальные связи возникают на уровне церковном. И очень хочется, чтобы в любой поездке мы всегда могли, не пользуясь никакими идеологическими приёмами и средствами выражения, не внешне эффектно, а внутренне и духовно заинтересовать тех людей, с которыми Господь нам даёт увидеться и которые вовсе не подбираются специально «под нас». Вот это общение, может быть, самое ценное в нашей поездке. Поэтому мы и называем её паломничеством. И как всегда, мы говорили тем, с кем мы встречались: особенность наших паломничеств в том, что мы ездим не *к чему-то* – к святыням, источникам, мироточивым иконам, – а *к кому-то*. Паломничество в нашем братстве – это всегда поездка к кому-то из тех, кого мы духовно можем как-то выделить, с кем мы надеемся иметь хорошие отношения или у кого действительно можно учиться. При этом мы всегда знаем, что общение действительно состоится только в том случае, если и нам будет что сказать такого, чего наши собеседники не знают. И оказывается, нам и поныне есть что сказать. И прежде всего это касается опыта мучеников и исповедников церкви Русской. Его, конечно, не знают, но о нём слышали, во всяком случае, в таких местах, как монастырь Бозе. В других местах, может быть, и не слышали – тогда тем более важно рассказывать. Людям интересны рассказы о духовной жизни – при условии, что уже есть дух доверия, взаимной открытости.

Как я уже говорил, главной темой наших разговоров в этот раз была Акция национального покаяния. И как мы заметили, слушатели просто замирали, когда мы приводили какие-то конкретные примеры. Когда говоришь о десятках миллионов расстрелянных, уничтоженных в нашей стране, они этого не воспринимают, потому что не могут такого себе представить. Да они могут и не доверять статистике. Ведь статисти-

ка – дело всегда немного недостоверное. А вот когда один брат с Урала (а в нашей группе были люди из семи городов и ещё сестра из Молдавии) просто экспромтом сказал: поднимите руки те, чьи близкие прямо пострадали: погибли или были арестованы, сидели по политическим обвинениям в лагерях и т. д., то подняли руки почти все члены нашей паломнической группы. Это для нас самих было неожиданностью, потому что так вопрос действительно никогда в группе не ставился, это не была «домашняя заготовка». А когда мы ещё и рассказали несколько совершенно конкретных случаев, тут они уже слушали не отрываясь. Это и понятно: когда рассказывает человек, который достоверно знает то, о чём говорит, потому что это было с его дедом или прадедом, с его прабабушкой или двоюродным дедом, то тут, конечно, ситуация сразу углублялась, дух встречи становился очень насыщенным, глубоким, подлинным. Будто открывались какие-то духовные тайники, прежде неизвестные и, конечно, закрытые.

Удивительным совпадением стало то, что в те дни, когда мы находились в Италии, появилось сообщение о выступлении нашего патриарха – он сказал, что объединение церквей, возможно, произойдёт не как результат каких-то переговоров, богословских споров, диалогов, а именно как чудо, как Божье действие. Многие нам говорили об этих словах во время встреч.

Ну вот, больше не могу вас задерживать своими рассказами. Но мне очень хотелось бы, чтобы сейчас, перед летом, когда кто-то из вас тоже захочет отдохнуть, посоветовать вам: поезжайте в паломничество. Ведь отдых – это всегда какое-то передвижение, перемена деятельности. Очень интересно паломничать по нашей стране, хотя не менее трудно, чем за границу. Ну, а если кто-то захочет и сможет поехать за границу, то сделайте своё путешествие именно паломническим, ни в коем случае не туристическим. Любой туризм – это фальшивка, симулякр. Он выглядит очень привлекательно, но внутри там пусто. Мне кажется, всегда надо ехать к людям – ехать с открытым сердцем, с любовью, с доверием, с желанием действительно у них чему-то поучиться, найти что-то хорошее. Это не значит, что не надо видеть и понимать, что есть не только хорошее. Везде есть не только хорошее. Ну и что? Учиться-то надо от хорошего. Значит, нужно прежде всего найти настоящее, подлинное. И всегда надо ехать, неся в себе заряд той подлинности, той уникальности жизни, который, наверное, во всех нас готов раскрыться.

На прогулке

Июнь 1917: последнее наступление

В наступательной операции Юго-Западного фронта, которая должна была стать победной, погибли самоотверженные и спаслись трусы

Может быть, кто-то из читателей помнит цитату, которой мы начинали рассказ о «Приказе № 1» – страшную картину бегства солдат русской армии, «потерявших всякий стыд». Этим бегством закончилось последнее наше наступление в Первой мировой войне – то самое наступление, которое первоначально планировалось на весну 1917 года и, как с горечью говорят некоторые историки, при нормальном ходе событий должно было привести к победоносному окончанию войны.

Отношение к войне на фронте: солдаты

Сейчас можно столкнуться с двумя разными подходами к вопросу об усталости народа от войны. В крайнем своём выражении они могли бы выглядеть так.

Первый (во многом тиражировавшийся в советские годы и поэтому часто привычно воспроизводимый до сих пор): «Народ понёс страшные потери в войне, цели которой были для него непонятны. В городах наступил голод, не хватало хлеба. Это естественным образом привело к революционным выступлениям в тылу и к отказу воевать, стихийному движению братания с немецкими войсками на фронте».

Второй (иногда преувеличенно полемический от усилия побороть ложь первого подхода): «Да какие тяготы? Разве мы не справлялись с гораздо большими? И хлеб был в городах, и потери совсем не так уж велики. Если бы не предательство элит, рвавшихся к власти, не было бы революционных событий; если бы не усилия крайних социалистических течений по разложению армии, она бы твёрдо стояла на позициях и победоносно закончила войну».

Потери русской армии действительно были меньше, чем потери других воюющих стран, во всяком случае, в относительно измерении: если в целом по итогам войны для стран «Четверного союза» (Германии, Австро-Венгрии, Болгарии и Османской империи) погибшие на войне солдаты составили около 3% от общего населения этих стран, для стран Антанты в целом (Великобритания, Франция, Россия) – 1,8%, то отдельный расчет для России дает 0,5%¹. В целом же в Первой мировой войне русская армия потеряла убитыми и умершими от ран по разным оценкам от 775000² до 911000 человек (примерно столько же в сумме потеряли армии вражеских государств на русском фронте). Это в 10 раз меньше, чем боевые потери советской армии в Великой Отечественной войне³.

Тем не менее очень сильная психологическая усталость от войны действительно существовала, о ней свидетельствуют сохранившиеся воспоминания её участников. Война шла на границах России (на нынешней территории Российской Федерации места боевых действий Первой мировой остались только в Калининградской области, т. е. в бывшей Восточной Пруссии); враг не стоял, как в 1812-м или 1941-м, на подступах к Москве, и хотя в 1917 году Временное правительство не раз заявляло для поднятия боевого духа, что немецкие войска угрожают Петрограду, в это мало кто верил⁴. Поэтому цель войны оставалась понятной в основном профессиональным военным и дипломатам⁵.

Все силы, объединившиеся для свержения монархии (или смены монарха), воспользовались этой ситуацией для реализации своих интересов – и каждый внёс свой вклад в её усугубление. И если в январе 1917 года отказ идти в атаку был достаточно редким и криминальным случаем, за которым следовало наказание, то к июню такое поведение отдельных солдат и целых частей стало более чем обычным (и безнаказанным). К усталости от войны и страху добавились и санкционированная многочисленными агитаторами и «Приказами» дезорганизация, и опасение опоздать к ожидаемому

со дня на день «черному переделу» земли, к уже начавшимся захватам и грабежам помещичьих земель и усадеб.

И всё-таки к июню оставались ещё части, готовые сражаться.

Отношение к войне на фронте: офицеры

Чаще всего в качестве одной из причин бедственного состояния войск называют огромные потери кадрового офицерского состава (как и наиболее боеспособных унтер-офицеров и солдат) за три года войны. Офицеры действительно гибли втрое чаще, чем солдаты⁶. И больше всего среди погибших было старых кадровых офицеров. Наибольшие потери понесла пехота (по некоторым данным, были части, где за три года три-четыре раза сменился командный состав); гораздо меньше пострадали артиллерийские части, и почти не было потерь среди моряков (именно поэтому так болезненно были восприняты убийства морских офицеров в дни февральского переворота⁷ – они унесли гораздо больше жизней, чем военные действия на море в годы Первой мировой).

К середине 1917 года многие офицеры были деморализованы происходившей в армии «демократизацией» и усиливающимся разложением многих частей, не понимали, как себя вести в обстановке не только неуважения, но и постоянной угрозы от своих собственных солдат (убийства неугодных офицеров, часто провоцируемые их рвущимися к власти сослуживцами, пусть и не массово, но продолжались в войсках в течение всего послефевральского времени).

Вот образы трех вариантов поведения офицеров, сохранившиеся в дневнике генерал-лейтенанта Болдырева⁸ (запись от 22 июня, то есть как раз во время наступления; но это Северный фронт, где активные боевые действия в это время не шли): «Тяжёлая картина в Стуриче – одни офицеры, покинутые своими солдатами. Читая мне принятую офицерами резолюцию, полную достоинства и твёрдости, командир полка полк. Карганов еле сдерживал слёзы. Я поблагодарил его: “Вы, офицеры и горсточка не потерявших совесть солдат, остались на месте – это то, что вы обязаны были сделать. Вы – остов полка, с вами – знамя, ушедших солдат я рассматриваю как вооружённую, забывшую свой долг банду”.

Решил проехать и к ушедшим солдатам; они расположились в одной из ближайших рощ на берегу Зап. Двины и, по рассказам, видимо, уже тяготились своей неорганизованной изолированностью.

По пути заехал в 11 особый полк; здесь командир поступил гораздо хуже. Когда его полк, составлявший один из участков резервов, под видом спасения от дыма от лесного пожара, самовольно отошёл в тыл на “более удобное” место, подальше от боевой линии, командир вместо того, чтобы удержать солдат или, по крайней мере, остаться самому и офицерам, покорно поплёлся в тыл, покинув порученный боевым приказом участок.

“Вы будете мною отрешены и преданы полемому суду”, – сказал я смущённому командиру, подошедшему ко мне с рапортом. В глубине души я сознавал всю тяжесть положения начальника в создавшихся условиях развала и анархии, но здесь командир, ещё сравнительно молодой офицер, выдвинутый революционными настроениями, не проявил и тени твёрдости.

Самовольно покинувшие позиции солдаты 16 особого полка расположились в чудесной сосновой роще и сейчас же толпами начали сбегаться к моему автомобилю. Я разъяснил всю преступность их поступка. Из их толпы выступил уже приобретший известность “защитник солдатских интересов” кап. С. Не стесняясь моим присутствием, капитан открыто агитировал против командующего армией ген. Радко-Дмитриева. Настроение делалось напряжённым.

Я заметил, что увлечённый своей речью капитан встал одной ногой в потух-

ший уже почти костёр. В самую острую минуту я неожиданно сказал: “Капитан, вы сожжёте свой салог”. С. быстро взглянул вниз, отдёргнул ногу и как-то сразу потерял тон. Солдаты мигом потянулись смотреть, что произошло, сзади уже кричали, что “кто-то горит”. Внимание нарушилось, эффект речи пропал. Я отдал приказание, чтобы к утру полк был весь вместе с офицерами, и уехал».

Сам ген. Болдырев, к слову, показывает возможность четвёртого варианта поведения...

Отношение к войне в тылу

В течение почти всего июня (с 3 по 24) в Петрограде проходил Первый съезд советов. И если в поисках исторических подробностей зайти на википедию, мы обнаружим там в чистейшем виде советскую версию этого события (ну да, ведь в течение столетия историю писали победители...), в том числе и в связи с отношением к войне: «съезд отверг предложение большевиками резолюции о прекращении войны... и принял эсеро-меньшевистские резолюции, провозглашавшие полную поддержку министров-социалистов и продолжение “революционной войны” на принципах отказа от аннексий и контрибуций». Мне кажется, что без расшифровки эту фразу понять невозможно. О чём же это?

Среди имеющих влияние политических сил к июню остался практически один лишь «левый спектр», то есть социалисты. Они пока ещё не составляли большинства во Временном правительстве (их было 6 человек из 15), но, как мы уже говорили, кадеты и октябристы перестали даже отчасти определять политический курс страны после отставки военного министра А.И. Гучкова и министра иностранных дел П.Н. Милюкова в начале мая.

Теперь главным предметом спора было не то, собираемся ли мы в случае победы в войне приобрести территории и получить возмещение за потери (все были согласны с тем, что не собираемся⁹), и даже не то, нужен ли нам немедленный мир или нет: все были согласны, что необходимо. Спор между «революционными оборонцами»¹⁰, к которым принадлежало большинство эсеров и меньшевиков, и рвавшимися к власти любой ценой большевиками шёл об одном: возможно ли прекратить войну просто распустив армию и оставив позиции – или нет. Большевики популистски кричали, что это возможно и усиленно разжигали оставшиеся в Петрограде после февральских событий полки запасных («никакой посылки на фронт!»), а также через агитаторов настраивали полки действующей армии решать вопрос о выходе на позиции только через общее голосование.

Пока что большинство на съезде советов оказалось за «революционными оборонцами», и эсер Керенский (сменивший в мае Гучкова на посту военного министра) дождался резолюции съезда с одобрением возможного наступления русских войск (ведь вопрос стоял и о том, можно ли даже тактически наступать, раз мы хотим мира).

А ещё, конечно, было множество простых людей, которые, несмотря на разлив демократии, ни на что не могли повлиять. Когда я просматривала оставшиеся от них и опубликованные на сайте «Прожито» дневники (только за май и июнь 1917 года), я встречала множество и простодушных, и глубококомысленных сожалений о распаде армии, радостей о начавшемся наступлении и связанных с этим надежд, опасений за судьбу страны – и лишь в одном дневнике из полутора десятков прозвучало отношение к войне, близкое большевистскому.

Ну и, наконец, в Петрограде (да и в других крупных городах) стояли запасные гарнизоны, которые и сами-то не хотели идти на фронт, а под влиянием агитаторов доходили в этом нежелании просто до остервенения. И стоявший в

Атака 47-го Сибирского стрелкового полка под Дзикеланами. 1 июля 1917 г.

Питере пулемётный полк не только сам не пошел сражаться: он наотрез отказался отдавать на фронт свои пулемёты...

Ход боевых действий

16 июня артиллерия Юго-Западного фронта открыла огонь по позициям австро-германских войск. 18 июня в наступление перешли XI и VII армии, носившие главный удар в общем направлении на Львов. Первые два дня принесли наступающим некоторый тактический успех. На отдельных участках были захвачены 2–3 линии неприятельских окопов. В телеграмме Временному правительству 18 июня Керенский провозгласил: «Сегодня великое торжество революции, Русская революционная армия с огромным воодушевлением перешла в наступление».

«Но разложившиеся в/ч и вовсе в наступление не поведены, а в боях гибнут лучшие ударные отряды и офицерский состав. Распропагандированный большевиками гвардейский Гренадерский полк самовольно снялся с позиций и отошел в тыл на 20 вёрст», – замечает при этом Солженицын. Обычные пехотные части отказывались наступать. Войска стали обсуждать приказы в «комитетах» и митинговать, теряя время, или вовсе отказывались продолжать воевать под самыми разнообразными предложениями – вплоть до того, что «своя артиллерия так хорошо поработала, что на захваченных позициях противника ночевать негде». Доходило до позорных мерзостей: разложившиеся части в тылу «арестовывали» походные кухни ещё не потерявших человеческого облик частей 1-й линии, чтобы те не наступали дальше... В итоге, несмотря на значительное превосходство в живой силе и технике, наступление остановилось и 20 июня было прекращено, ввиду невозможности заставить войска идти вперёд.

23 июня началось наступление VIII армии генерала Л.Г. Корнилова. Оно было очень успешным, чему способствовали громадный перевес в силах и слабая боеспособность стоявших против неё австро-венгерских (а не германских) частей. Прорвав оборону противника, армия захватила свыше 7 тыс. пленных и 48 орудий; развивая успех, она заняла Станислав, Галич и Калуш и к 30 июня вышла на р. Ломница. Но и в этой армии начались те же проблемы, что и у соседей – «ударники» понесли огромные потери в первых штурмовых боях, а остальная солдатская масса отказывалась воевать.

Члены Союза офицеров при Ставке (которых трудно обвинить в пораженческих настроениях) пишут обращение в ЦК кадетской партии: наступление обречено на неудачу, результатом его станет только то, что будут перебиты лучшие части; наступать при нынешнем состоянии армии и страны, и при бездействии союзников – стратегическая авантюра.

К 1–2 июля наступательный порыв всего фронта иссяк, и наступление полностью прекратилось. Потери всех трёх армий фронта к этому моменту составляли 1222 офицера и 37500 солдат. Эти потери были невелики, если сравнивать их с потерями в дореволюционных кампаниях Русской армии в Первой мировой войне, но имели катастрофические последствия, так как в основной своей массе они пришли на отборные, «ударные» части, здоровую основу. Оставшаяся солдатская масса окончательно потеряла военный облик и превратилась в совершенно неуправляемую вооружённую толпу, готовую бежать от малейшего нажима неприятеля.

Окончание на с. 6

На богослужении в храме Успения в Печатниках до провокации 1997 года всегда было многолюдно

В июне этого года исполнилось 20 лет с момента провокации в московском храме Успения Пресвятой Богородицы в Печатниках. Поэтому нам хотелось бы вспомнить одно из исторических исследований того времени – сборник документов «Христианский вестник» № 3. В тот момент, когда он выходил из печати, ещё не было настолько очевидно, что события середины 1990-х знаменуют собой серьёзный поворот в только-только начавшей возрождаться церковной жизни. Сегодня с этим вряд ли возможно спорить

Сборник, в центре которого стоял наиболее значительный по масштабам и ставший знаковым для всего периода конфликт, приведший к изгнанию тысячной общины из возрождённого ею храма, был посвящён целому ряду событий. Вот краткое перечисление лишь части из них в хронологическом порядке.

В ноябре 1996 года был запрещён в священнослужении всемирно известный иконописец архимандрит Зинон (Теодор) и отлучены от причастия два монаха его общины. Отец Зинон вместе с собравшейся вокруг него общиной несколько предшествующих лет занимался восстановлением монастырского комплекса Спасо-Преображенского Мирожского монастыря. В иконописной школе под его руководством изучали русскую иконопись не только православные, но и католики. Однажды они попросили разрешения отслужить в ещё не освящённом монастырском храме мессу (по новому стилю в этот день было Успение). После этой службы (за которой архимандрит Зинон не сослужил) он принял причастие. Наказание за это нарушение церковной дисциплины было несоизмеримо жёстким*, даже жестоким: о. Зинон и два монаха (один из них не был во время инкриминируемого о. Зинону проступка в монастыре, но с этим никто не стал разбираться) не только подверглись церковным прещениям, но и были выгнаны из обустроенного ими монастыря зимой практически в никуда. Прещения были сняты через голову местного архиерея лично патриархом Алексием II в 2001 году.

В декабре 1996 – апреле 1997 года в Херсоне происходили события, приведшие к извержению из сана клириков Свято-Сретенского прихода. В течение года они писали и митрополиту Киевскому Владимиру, и патриарху Алексию II

В конце эпохи церковного возрождения

В середине 1990-х произошел ряд событий, изменивших течение церковной жизни

письма, прося разобраться в несправедливых, а в чём-то и клеветнических обвинениях в их адрес и разрешить их от прещений. Через год, не получив ответа, все они вместе с многочисленными прихожанами ушли в раскол (в так называемый «Киевский патриархат»).

В апреле–июне 1997 года разворачивался масштабный конфликт в храме Успения в Печатниках. После назначения в Великую среду в храм второго священника, настроенного резко негативно по отношению к настоятелю и прихожанам (которых насчитывалось более тысячи), фундаменталистские СМИ (прежде всего радио «Радонеж») стали зазывать в храм всех, кто мог бы помочь в разжигании противостояния. Два месяца второй священник дерзил настоятелю, выхватывал у него микрофон и перебивал во время проповеди, и даже переосвящал в алтаре Дары (считая, что если служба русифицирована, они не освящаются), а его «группа поддержки» пыталась перекричать хор и затевала стычки с прихожанами. Дело кончилось тем, что во время одного из витков конфликта у второго священника начало развиваться острое состояние, и он был прямо со службы на скорой госпитализирован в психиатрическую больницу. В тот же вечер настоятеля и прихожан храма публично (через радио «Радонеж») обвинили в том, что они якобы избили священника и отправили в больницу абсолютно здорового человека. Несмотря на то, что два расследования – прокуратуры и Минздрава – пришли к выводам, что никакого насилия в храме совершенно не было, а принудительная госпитализация второго священника была оправданной и необходимой, настоятель храма священник Георгий Кочетков был запрещён в священнослужении, а двенадцать прихожан храма отлучены от причастия. Прещения были сняты патриархом в марте 2000 года, а клеветническая информация об инциденте продолжает распространяться в сети до сих пор.

В ноябре–декабре 1997 года в Томске были запрещены в священнослужении или лишены должностей многие уважаемые и любимые прихожанами священнослужители епархии. Это случилось после того, как получил огласку инцидент с домогательствами новопоставленного епископа Аркадия (Афонина) к одному из них – молодому дьякону. 6 октября 1998 года Синод решил перевести епископа Аркадия викарием в Нижегородскую епархию под присмотр митрополита Николая. Все пострадавшие клирики были восстановлены в служении. В 1999–2001 гг. епископ Аркадий возглавлял Южно-Сахалинскую кафедру, а потом был почислен на покой в возрасте 58 лет. Ныне служит настоятелем одного из московских храмов.

5 мая 1998 г. на заседании епархиального совета Екатеринбургской епархии

у присутствовавших там священников потребовали не распространять книги определённых авторов, являющиеся, по мнению руководства епархии, «еретическими». В тот же день на территории епархиального училища по распоряжению епископа Никона (Миронова) были публично сожжены книги о. Александра Шмемана, о. Иоанна Мейендорфа и о. Александра Меня (позже утверждалось, что это были только книги последнего из них). После этого трём священникам епархии было предложено проклясть «ереси» вышеупомянутых авторов, закрепив это присягой на Библии. Двое из них это сделали, а один, о. Олег Вохмянин, отказался, вследствие чего был запрещён епископом в служении «пожизненно». Через полтора месяца благодаря вмешательству патриарха «пожизненный» запрет был снят. 19 июля 1999 года епископ Никон был уволен с Екатеринбургской кафедры на покой в возрасте 39 лет и отправлен для исправления в Псково-Печёрский монастырь, затем служил настоятелем одного из московских храмов. Ныне возглавляет одну из отдалённых епархий.

20 июля 1998 г. был отправлен за штат «по состоянию здоровья» игум. Игнатий (Крекшин), настоятель Богородице-Рождественского Бобренёва монастыря. 21 июля 1998 г. в монастырь был назначен новый игумен Игнатий (Жидков). Он повёл себя таким образом, что не только прихожане, но и братия монастыря была вынуждена покинуть обитель, разошлась и приходская община храма, служившего монастырским подворьем в Коломне.

Могло бы показаться, что почти все эти проблемы преодолены «сверху», ведь в Екатеринбурге и Томске были сняты устроившие бесчиние епископы, клирики этих епархий были восстановлены в служении, а в остальных случаях слишком жёсткие (такие как запрет о. Зинона) или просто несправедливые (как запрет о. Георгия Кочеткова и двенадцати его прихожан) прещения были сняты лично патриархом Алексием II...

Но на самом деле информационные ресурсы, раскачивавшие ситуацию в то время (или подхватившие осуждающий тон впоследствии) – «Радонеж», «Русская народная линия», «Православие.ru» и другие – никуда не делись, интернет заполнен их клеветническими публикациями. А многие из тех, кто поддерживал или даже организовывал провокацию в храме Успения в Печатниках, остались влиятельными церковными чиновниками; кто-то даже «пошёл на повышение». Во Пскове же в последующие годы разыгралось продолжение гонений, вылившееся в многолетнее преследование исповедника веры протоиерея Павла Адельгейма, убитого в 2013 году.

И всё-таки «Христианский вестник», посвящённый не просто тяжёлым собы-

тиям, но тягостному повороту всей церковной жизни, заканчивается не только словами горького свидетельства о реальности тех лет, но и словами надежды:

«Под прицелом “ревнителей” – чуть ли не все более ли менее заметные структуры и деятели Русской православной церкви. Страшный образ православия, создаваемый фундаменталистами, отталкивает от него и тех, кто им не верит, и тех, кто вслед за ними начинает видеть вокруг себя бесчисленных “врагов православного народа”. Отношение общества к церкви становится всё более настороженным. Так стараниями “ревнителей” “имя Божие хулился между язычниками”.

На вопрос, как жить в церкви, когда на тебя клеветают, когда тебя гонят в раскол как будто бы твои же братья по вере, разные люди отвечают по-разному. Пока живет в фактическом затворе, уйдя от активной церковной жизни, архимандрит Зинон с братией. О выборе херсонцев мы уже говорили. Есть ли иной путь? Возможно ли выносить невнятное, не уйти, не оторваться и всё претерпеть – ради того, чтобы наша церковь действительно возродилась “не в бревнах, а в рёбрах”? Этого нельзя знать заранее, потому что это зависит не только от воли Божией, но и от каждого из нас, от ежедневного, иногда, казалось бы, мелкого делания.

Дай Бог всем, кто ищет этого пути, сил и терпения.

Дай Бог всем нам помнить, что алчущие и жаждущие правды – блаженны. Ибо они насытятся».

Александра Покровская

* Можно вспомнить недавнее выступление главы Отдела внешних церковных связей митр. Илариона (Алфеева), в котором он, с одной стороны, напоминает: «есть определённая церковная дисциплина, не позволяющая верующим Православной Церкви причащаться у католиков», с другой стороны, признаёт: «у нас (с католиками) фактически существует взаимное признание Таинств» (<http://www.patriarchia.ru/db/text/1638244.html>). Тем не менее в отношении о. Зинона архиереем был применён канон о «молитвенном общении с еретиками», который и по старинным, и по современным толкованиям говорит об общении с теми, чьи таинства православные не признают.

После 1997 года автор этих строк, заглядывая порою в храм Успения в Печатниках, ни разу не видел в нём больше 5, максимум 10 прихожан... На фото с официального сайта храма: литургию совершает митрополит Истринский Арсений, первый викарий Святейшего Патриарха по г. Москве. Март 2015 года.

Июнь 1917: последнее наступление

Немецкое контрнаступление

В телеграмме Главнокомандующего исполнительного комитета Юго-Западного фронта, армейского комитета и комиссара XI армии, которую мы уже цитировали, события, последовавшие за захлебнувшимся наступлением русской армии, описываются так: «Начавшееся 6 июля немецкое наступление на фронте XI армии разрастается в неизмеримое бедствие, угрожающее, может быть, гибелью революционной России. В настроении частей, двинутых недавно вперёд героическими усилиями меньшинства, определился резкий и гибельный перелом. Наступательный прорыв быстро исчерпался. Большинство частей находится в состоянии всё возрастающего разложения... Некоторые части самовольно уходят с позиций, даже не дожидаясь подхода противника».

Вот как говорит об этом Солженицын: «Несмотря на превосходство в численности и в артиллерии – безостановочное

бегство тысяч солдат 11-й армии, массовая сдача в плен, брошены сотни орудий, склады снарядов. Тщетная гибель самоотверженных, спасаются трусы».

Есть ещё одна из частых схем в описании событий июня-июля: разочарование, вызванное неудачей наступления, привело к июльскому кризису. Почему это не так – читайте в статье следующего номера, посвящённой июлю 1917-го.

Материал подготовила Александра Колымагина

¹ Данные по предвоенному населению стран взяты из издания «Статистический ежегодник России», 1913 г., издание ЦСК МВД. СПб., 1914. Данные по потерям стран и коалиций взяты для расчёта из сборника «Россия в мировой войне 1914–1918 года (в цифрах)», Центральной статистического управления, Отдел военной статистики. Москва, типография МКХ им. Лаврова, 1925.

² Эта цифра приводится в том же сборнике «Россия в мировой войне...». Стоит упомянуть, что сборник тематически посвящён обличению «преступной политики царского режима, приведшей к таким страшным потерям».

³ По данным Министерства обороны, опубликованным в 2016 году, эти потери составили

8,8 млн человек. (см., например, <http://www.interfax.ru/russia/506469>). Небоевые демографические потери были в два раза больше – как и в Первую мировую.

⁴ И в самом деле, эта угроза стала вполне реальной только после большевического переворота – именно из-за неё большевическое правительство и бежало в Москву, вернув ей статус столицы.

⁵ Вот как вспоминает об этом, например, философ Фёдор Степун: «В первом открытом разговоре со своими батарейцами я, к своему величайшему удивлению, заметил, что большинству из них война, правильная война, представлялась чем-то вроде крестового похода... Моё сообщение, что немцы христиане, а больше трети из них католики, то есть христиане, каждое воскресение обязательно ходящие в церковь, крестьящиеся в ней и становящиеся на колени, совершенно сбило моих собеседников с толку, так как явно не вязалось с их представлением о враге, – турке и японце.

⁶ С солдатским представлением о враге-нехристе связывалось ещё и представление о нём, как об обидчике, то есть нападнике. Узнав от меня, что до немецкой границы эшелону <из Сибири> ехать две, а то и все три недели, они впали уже в полное недоумение» («Бывшее и несбывшееся»).

⁷ В годы Первой мировой войны в русской армии было около 300 тысяч офицеров (кадровые офицеры, запасные, выпускники военных учебных заведений 1914–1917 гг., произведённые за мужество в офицеры из солдат). Погибли или умерли от ран за годы войны около 50 ты-

сяч офицеров, то есть каждый шестой. Потери же по армии в целом – 775 000 – составляли двадцатую часть из 15 800 000 мобилизованных. Для сравнения: в годы Великой Отечественной войны погиб каждый четвёртый из мобилизованных (около 9 млн из 36 млн).

⁸ Во время бунта в Кронштадте (1 марта 1917 года) и на Балтийском флоте в Гельсингфорсе (3 марта) матросами были убиты десятки офицеров. Количество жертв было соизмеримо с числом погибших при Цусиме во время русско-японской войны.

⁹ Василий Георгиевич Болдырев (1875–1933) родился в крестьянской семье. Окончил Николаевскую академию Генерального штаба; преподавал в Академии Генерального штаба. В 1918 году входил в руководство «Союза возрождения России». Был выбран одним из 5 членов Временного Всероссийского правительства (Уфимской директории). Главнокомандующий войсками Директории. В 1920 г. был назначен командующим всеми вооружёнными силами Дальнего Востока. На этом посту сотрудничал с С. Лазо, работал в комиссии по роспуску частей старой армии. Остался во Владивостоке. Занимался преподавательской деятельностью. Расстрелян 20 августа 1933 года.

¹⁰ Именно это и значила формула «без аннексий и контрибуций».

¹¹ С этим термином та же история, что и с Первым съездом советов: в сети можно найти только изощрённые ленинские ругательства советского времени в адрес этих людей, смевших проявить патриотизм и хоть какую-то ответственность за будущую страну.

На границах экклезиологии

Интервью с участниками конференции «Евхаристическая экклезиология сегодня: восприятие, воплощение, развитие»

Анастасия Наконечная использовала каждый перерыв между заседаниями, чтобы взять интервью

Мы по своему опыту знаем, что люди, имеющие психиатрические заболевания, могут достаточно полноценно жить в Церкви, если они духовно не повреждены. А насколько они могут нести какие-то ответственные служения?

Кандидат медицинских наук, доцент кафедры психиатрии и медицинской психологии Российского Национального исследовательского медицинского университета им. Н.И. Пирогова Б.А. Воскресенский: Довольно давно я проводил специальное исследование, в котором выявились три группы пациентов. Содержание этих психологических исследований касалось церковной жизни.

У части пациентов религиозные переживания были проявлением болезни. Это так называемый фантастический бред, когда больные считают себя творцами мира, величайшими грешниками, «повелевают» планетам и судьбам людей. И здесь, конечно, истинной веры нет, в той мере, в какой психиатр может это оценить (для суждения об этом применялась специальная формализованная методика, по существу психологическая, но я советовался и с некоторыми священниками). У таких пациентов церковной жизни обычно также нет, и даже если в прежней жизни они были людьми церковными, то теперь всё это им «не требовалось». Они в храм не ходили, не причащались, ведь они сами «всем миром повелевали». Нужно сказать, что знание священной истории, Писания нередко оставалось при этом очень глубоким, наших студентов* они просто

поражали этим. И таким людям участие в церковной жизни – по крайней мере в период обострения заболевания – не показано (впрочем, как я уже говорил, они к нему и не стремятся).

Вторая группа – это верующие люди, у которых религиозные переживания вошли в симптоматику обострения болезни. Я часто вспоминаю пациентку, которая в таких состояниях считала себя величайшей грешницей и в предвесеннюю холодную пору или в октябре не раз бросалась в Москву-реку и переплывала её, чтобы искупить и свои грехи, и грехи всего человечества. Есть такая форма бреда: больной считает, что он настолько грешен, что ему не дано умереть, и всё человечество из-за его разрушительных деяний также обречено мучиться бесконечно. Эта больная клала свои руки под поезд, потеряла руки. В приступе она, естественно, лечилась всеми возможными психиатрическими средствами. Подобным ей пациентам активное участие в жизни прихода, общины в этот период не рекомендуется, хотя «на общих основаниях» пойти в храм на службу для них вполне возможно.

Есть и третья группа пациентов, у которых вера и болезнь не связаны. У человека бред ревности или он убеждён в том, что его выживают с работы (бред отношения); таким никаких ограничений не ставится.

Вот это разграничение – кому что рекомендовать, в каком объёме, – можно сделать осязаемым с позиции трихотомии, о которой я рассказывал в своём докладе. Более того, я считаю, что без трихотомии этот вопрос решить невозможно.

В отечественную психиатрию трихотомия введена выдающимся психиатром профессором Д.Е. Мелеховым. Я стараюсь посильно следовать в направлении, им заложенном.

Тело – это органы (сердце, лёгкие, желудок и т. д.) и системы органов (сердечно-сосудистая, дыхательная, пищеварительная и проч.) в их взаимодействии и взаимосвязи. Душа – это душевные процессы и состояния (восприятие, мышление, эмоции, воля и др.). Дух – это то, что человек ставит выше себя, ради чего он живёт. Для верующего – это его Бог, его вера. Для другого – общечеловеческие ценности, творческая деятельность – художественная, научная, практическая. Своя семья, дом. Удовлетворение своих эгоистических, корыстных, антисоциальных стремлений. При таком понимании дух, духовность – совсем не являются синонимом святости, ангелоподобности. Такое понимание духовного отличается от его богословского смысла, я определяю его как клиническое.

Полагаю очевидным, что сферой духовного психиатрия как наука медицинская не занимается. Это поле деятельности священнослужителей, деятелей искусства, политиков, представителей силовых структур и т. д.

Как ареной, «материалом» телесных болезней являются внутренние органы, так психические расстройства разворачиваются в сфере душевных процессов. Но если тело представляется самоочевидным, то с душой дело обстоит сложнее. Она неосознаема, нематериальна. Однако реальность душевных процессов может быть убедительно продемонстрирована с помощью современных гуманитарных (лингвистических, этнокультуральных) исследований. В случае болезни душевные процессы могут преобразовываться, искажаться, ослабевать и распадаться аналогично тому, как это происходит при телесных заболеваниях. Степень и распространённость, генерализованность этих разрушительных сдвигов по-разному скрывается на сфере духовного, в частности на вере. Эти варианты и представлены в трех вышеописанных группах.

Что же касается служения, то у профессора Мелехова мы находим такой пример: он рассказывает о двух монахах, один из которых всё время плакал и каялся, налагал на себя епитимьи, другой, наоборот, славил Господа, пел светлые гимны; и оба были равно уважаемые братья. Если духовная сфера обращена к Богу, то конкретный путь, формы служения могут быть различными, во многом зависят от индивидуальных душевных особенностей человека. Нельзя исключить и такую ситуацию, когда и священнослужитель может быть в какой-то степени душевно дисгармоничным или даже душевнобольным, но при этом может быть замечательным пастырем.

Нужно сказать, что психиатров часто упрекают в том, что они не знают, как определить психическую норму – и как же тогда ставить диагноз? И действительно, общеутверждённого определения нормы психического здоровья не существует. Многие психиатры – но далеко, далеко не все, – и я тоже, считают, что норма психического здоровья апофатична (здесь как раз очень уместно богословское определение). Если нет душевной болезни, проявления которой мы знаем (обязаны знать, так как она описана в учебниках и руководствах и укладывается в определённые признаки-симптомы), то человек здоров, каким бы странным, чудным в своих верованиях, манере держаться, диетах, системах оздоровления он ни был. Это не означает, что его образ жизни, воззрения, деятельность не вызовет критики, неприятия, осуждения с других точек зрения. Понятия нормы статистической, религиозной, этической, юридической не совпадают.

Человек существо духовное, а дух, как говорил выдающийся психиатр и философ Карл Ясперс, не может заболеть (в медицинском смысле). Это и есть духовная свобода.

* Слушателей Российского государственного медицинского университета им. Н.И. Пирогова

В одном из интервью, которые мы брали накануне конференции, о. Владимиром Шмалием был сделан акцент на необходимости прежде всего дескриптивной экклезиологии. Но если мы будем говорить прежде всего о дескриптивном подходе, то где-то будем выходить за границы не только нормы, но и, условно говоря, сущности: описывая церковную жизнь такой, какая она есть, мы иногда будем описывать явления, которые по сути не являются церковью. Как философия или, скажем, этика справляются с такими проблемами при дескриптивном подходе?

Доктор философских наук, заведующий кафедрой философии, гуманитарных и естественно-научных дисциплин СФИ Г.Б. Гутнер: Это довольно трудный вопрос. Если говорить о дескриптивной экклезиологии, то чем она может быть? Только эмпирическим описанием существующих типов церковной жизни. По-видимому, это может быть только начальной стадией, но её, как мне кажется, недостаточно.

В этике существует давнее противопоставление дескриптивного и нормативного аспекта. Но нет никакого окончательного решения относительно того, как этика вообще должна существовать. Она должна быть и нормативной, и дескриптивной, поскольку в принципе предполагается и то, и другое. А в каком соотношении – этого никто не знает. На протяжении столетий идёт «перетягивание каната» между подходами, и в этих бесконечных дискуссиях возникают разные формы взаимоотношений дескриптивного и нормативного.

Есть крайние формы. Одну из них представляет Давид Юм, который считает, что ничего нормативного в принципе быть не может, потому что достичь нормы просто невозможно для конечного существа – для человека. Человек исходит из опыта, а опыт даёт нам,

в конечном счете, только описание. Если же мы делаем заявление «так должно», то создаём неправомерное обобщение опыта. Можно лишь сказать, что так поступают чаще всего, так поступает большинство. Юму резко возражал Кант, утверждавший, что моральный закон и долг вообще не соотносятся с опытом, а обнаруживается разумом в умопостигаемой сфере. Сложность кантовского подхода в том, что моральные требования, вытекающие из умопостигаемого закона, могут оказаться просто невыполнимыми, иногда даже бесчеловечными.

Да, нормам до конца соответствовать невозможно, но ведь можно не выходить за какие-то границы.

Это так, но сами границы должны быть продиктованы некоторой жизненной потребностью, они должны быть жизненны, а не выдуманы, исходя из каких-то абстрактных оснований. Поэтому в этике и получается то постоянное перетягивание каната, о котором я говорил. С одной стороны, если ограничиться дескриптивной стороной дела, то мы действительно не поймем, как в принципе возможен разговор о границах. (А если применить это к экклезиологии – не поймем, где мы находимся, в Церкви или уже вне Церкви.) Но с другой стороны, момент нормативности невозможно в одночасье «родить», вывести путём подсчёта или дедукции или из какого-то универсального основания, посидеть за столом, поломать голову и решить. Норма всё равно должна опираться на какой-то жизненный опыт, в том числе на какую-то дескриптивную составляющую. И как одно с другим соотносится, ответа нет. Видимо, его нужно постоянно искать, а затем перепроверять, соотнося опыт с существующей нормой, а норму с опытом. Достигается это и путем размышления, и в результате постоянного общения.

На пленарном заседании конференции. Г.Б. Гутнер, Б.А. Воскресенский, Т.Н. Панченко

И через предание?

А предание – это и есть живое общение между людьми, жившими раньше и живущими теперь.

Получается, что от каждого поколения требуется рецепция опыта предыдущих поколений.

А с другой стороны, переосмысление собственного опыта. Мне кажется, что в каком-то смысле то, о чём вы спрашиваете, лежит где-то в сфере, не побоюсь этого слова, диалектической взаимосвязи. Хотя можно этим термином не пользоваться, слишком уж много у него ненужных коннотаций.

Беседовали Анастасия Наконечная, Александра Колымагина

«На Россию надвигается полоса казней египетских»

В июне 1917 года прошёл Всероссийский съезд духовенства и мирян

Контекст

Волна «ниспровержений» епископов, первые демократические выборы епархиальных архиереев, епархиальные съезды духовенства и мирян, приход в обер-прокуратуру «революционного» обер-прокурора – за три весенних месяца 1917 года в церкви произошли стремительные изменения. Вся жизнь епархий перестраивалась снизу вверх в духе самоуправления: самоуправляющийся приход, самоуправляющаяся епархия. Это не всегда приводило к созидательным, действительно церковным результатам (о чём мы уже рассказывали). Однако церковь оказалась в каком-то смысле более подготовленной к происходившей катастрофе, чем государство. Благодаря подготовке Поместного собора, длившейся с 1905 года, имелись самые разные материалы, требовавшие широких реформ в церкви (отзывы архиереев 1905–1906 гг., 5 томов трудов Предсоборного присутствия 1906–1907 гг., 5 томов Предсоборного совещания 1912–1916 гг.). В созданном 29 апреля 1917 года Предсоборном совете видные иерархи и церковные богословы привели в систему накопленный за предшествовавшее десятилетие материал, озаботившись также и вопросом о соотношении церковных реформ с произошедшими в стране изменениями.

По мнению историка М.В. Шкаровского, основная масса духовенства была в целом аполитична и, выступая за демократические преобразования в структуре церкви, не разделяла программные требования некоторых течений, требующих полного и безусловного отделения церкви от государства. Принцип свободы совести в новом государстве многие понимали так: православная церковь должна быть всё-таки «первой среди равных».

Однако всё это время в «левых» кругах духовенства оставался страх перед тем, что епископская реакция задержит реформы. Поэтому по инициативе вновь образовавшихся «прогрессивных союзов духовенства» задумано было организованное демонстрационное левое церковное общественное мнение, требующего реформ: Всероссийский Съезд духовенства и мирян¹.

Подготовка к съезду

Инициатива проведения съезда принадлежала председателю «Союза объединённого духовенства и мирян Москвы» прот. Николаю Цветкову². На съезд приехали обер-прокурор В.Н. Львов и экзарх Платон (Рождественский), первоприсутствующий член Синода, назначенного Временным правительством, чтобы показать свое покровительство реформирующему течению.

Состав съезда определялся следующим образом: от каждой епархии на съезд направлялись – по одному делегату от духовенства и мирян от каждой сотни церквей, один делегат от монашеского духовенства епархии и один делегат от духовно-учебных заведений. В итоге на съезд приехали 1262 делегата – вдвое больше, чем собрал будущий Поместный собор.

Подготовка к съезду и его работа широко освещались в епархиальной и общероссийской церковной периодической печати.

Основные вопросы

Для обсуждения на съезде были предложены следующие вопросы: а) организация Всероссийского союза духовенства и мирян, б) отношение к переживаемым событиям, в) о составе Всероссийского церковного Собора, г) о епископе и каноническом основании епископата, д) о епархиальных учреждениях, е) о реформе прихода, ж) о духовной школе, з) о взаимоотношении церкви и государства.

За 10 дней Съезд разработал и сформулировал свои мнения по всем основным пунктам церковной реформы. Эту работу в июне-июле продолжил Предсоборный совет. Декларируя левые политические взгляды («идеал народоправства в политике», «передачу земель землевладельцам» и «социальную справедливость в сфере труда и капитала»³), свободу совести и культа, съезд при этом отверг идею отделения церкви от государства. Он высказал пожелание, чтобы Православная церковь осталась на положении «первенствующей», получала от государства правовую и материальную поддержку, чтобы Закон Божий был обязателен в школах и в руках церкви остались руководимые ею церковно-приходские школы⁴. Таким образом, Съезд ещё до начала Собора на опыте показал, что в массе духовенство, при всей левизне, в общей ревности об интересах пастырского служения не разойдётся с епископатом.

Осмысление происходящих событий

Дискуссия о событиях, происходивших в стране в последние месяцы, сначала привела к жёсткой перепалке с криками «лжец!» и «вон, долой!». Однако эмоции не помешали делегатам всерьёз обратиться к вопросу о том, что происходит с Россией. Два доклада – князя Е.Н. Трубецкого и С.Н. Булгакова (который предупреждал от следования по пути поклонения идолам, от простой замены идола самодержавия идолом демократии) – не только заставили всех задуматься о духовных причинах катастрофы, но и объединили съезд: оба текста было единогласно решено «тотчас же

отпечатать в неограниченном количестве экземпляров для раздачи всем членам съезда и для распространения в их епархиях».

Фрагмент из доклада кн. Е.Н. Трубецкого «Церковь и Россия»

«На Россию надвигается полоса казней египетских, и у всех этих казней одна общая причина – забвение России, преступное о ней небрежение ради интересов классовых, партийных или просто личных...

Есть множество русских людей, которые духовно уже утратили Россию. Прислушаемся к тому, что говорится на многочисленных собраниях. Есть что-то страшное в этих речах. Мы найдём в них всё, что угодно: и пафос свободы, и широкие обещания материальных благ, но при этом поражает отсутствие самого главного в этом ораторском воодушевлении – отсутствие России и любви к России, отсутствие того самого, ради чего нужны все эти подчинённые блага, – и высокая плата, и земля, и воля.

Упадок русского патриотизма, затмение национального инстинкта, отсутствие национального подъёма, – вот что сказывается и в действиях, и в речах; вот почему речи не воодушевляют солдат к борьбе за родину. А отсутствие подъёма национального, в свою очередь, обуславливается отсутствием подъёма духовного, тем общим упадком духовной жизни, о котором я говорю; в нём мы – сыны церкви – повинны больше всех, ибо кому больше дано, с того больше и взыщется.

Отношение человека к родине должно быть прежде всего религиозным. Чтобы любовь к родине побуждала его к высшим подвигам самоотвержения, он должен смотреть на родину как на великую святыню и ценность духовную, ради которой стоит жертвовать не только всем достоянием, но и самой жизнью. Разве может быть такое чувство к родине у человека, утратившего всякую святыню?»

Итоги

Ожидания участников съезда, что их решения будут приняты правительством, не оправдались. Уже 20 июня было принято постановление Временного правительства о передаче 37 тысяч церковно-приходских и церковно-учительских школ в ведомство Министерства народного просвещения. Делегации Синода было разъяснено, что правительство не запрещает и не мешает церкви сколько угодно создавать свои общеобразовательные христианские школы на собственные средства. Но все субсидируемые государством школы должны быть подчинены министерству. Действительно, в обществе считалось, что все 37 000 церковно-приходских школ (1/5 всех начальных школ России) были созданы К.П. Победоносцевым для консервативного воспитания народа, причем за счёт государства (церковь несла лишь половину расходов), тем временем как новое государство хотело само контролировать процесс воспитания.

Однако церкви удалось удержать принятое на съезде решение об обязательности преподавания Закона Божьего. Государственный комитет по народному образованию готовил проект об исключении этого предмета из школьной программы, но благодаря активной агитации против принятия этого проекта со стороны церковной общественности и Предсоборного совета постановление не было принято вплоть до октябрьского переворота. Решения съезда об обязательности Закона Божьего послужили основой для определения Поместного собора по тем же вопросам.

Анастасия Наконечная

¹ Иначе говоря, это был съезд, на котором практически отсутствовали архиереи.

² Протоиерей Николай Васильевич Цветков (1862–1942), настоятель Покровского храма на Варварке в Москве. В 1917 г. – Председатель Исполнительного комитета Союза объединённого духовенства Московской епархии и товарищ председателя (А.Д. Самарина) Совета объединённых приходов Москвы. Член Предсоборного совета. В советское время 6 раз подвергался арестам, пробыл три года в Соловецком лагере, был в ссылке. Умер дома в Москве в марте 1942 г.

³ Все эти декларации, апеллирующие к социальной справедливости, в подлинной политической жизни 1917 года уже начинали оборачиваться приходом к власти всё более и более циничных и безответственных сил, захватом и грабежом помещичьих земель и усадеб, разрушительным непрофессиональным «самоуправлением» на фабриках и заводах. Сегодня кажется печальным и странным, что многочисленный церковный съезд в своих решениях не только не смог произнести слова свидетельства о происходящем, но даже как будто не увидел того, что уже было очевидно для множества простых, но политически не ангажированных людей... Лишь в отдельных докладах прозвучали трезвые оценки, но хотя они и были встречены с энтузиазмом, в решения съезда так и не вошли.

⁴ Как раз накануне Всероссийского съезда духовенства и мирян прошёл Всероссийский учительский съезд, в резолюции которого требовалось передать церковно-приходские школы из ведения церкви государству. В ответ на это многие епархиальные съезды духовенства предлагали оставить школы в ведении церкви, но с условием их обязательного реформирования и передачи приходам. Это же мнение было высказано и в результате работы Всероссийского съезда духовенства и мирян. От делегатов съезда прозвучало даже предложение учредить при всех университетах богословские факультеты, однако этот вопрос был отложен.

«Отчаянное состояние России»

Как оценивали события 1917 года в Оптиной и на Валааме

Оптина пустынь. Начало XX века

Глеб Михайлович, в начале XX века уровень российского монашества был очень разным в разных монастырях. Однако некоторые из них, такие, как Оптиная пустынь, оставались несомненными духовными центрами этого времени. Сохранились ли документы и воспоминания, позволяющие судить о том, как насельники этих обителей отнеслись к событиям 1917 года в разные их периоды (от февраля до октября), насколько верно оценивали их духовные причины и возможные последствия? Каким они видели (может быть, не в этих жёстких хронологических рамках, но всё-таки именно в 1917–1918 годах) возможный и необходимый ответ церкви на эти события?

Г.М. Запальский, кандидат исторических наук, доцент, заместитель заведующего кафедрой истории Церкви МГУ им. Ломоносова: Февральская революция 1917 г. была встречена большинством духовенства с большим подъёмом: рушилась бюрократизированная синодальная система, открывалась дорога к свободному развитию Церкви, реформам. Волна эйфории охватила и многие монастыри, в тихих обителях забурлило деятельное движение. Стихийно созывались съезды выборных представителей монашествующих. Обострились конфликты между настоятелями и братией: сыпались жалобы местным архиереям, Святейшему Синоду, Временному правительству и даже Советам рабочих, крестьянских и солдатских депутатов, во многих обителях монахи устраивали забастовки, митинги, самовольно смещали настоятелей и т. п.

На этом фоне в некоторых обителях с крепкими духовными традициями братия проявила заметно меньше энтузиазма. Наиболее красноречивым источником в этом вопросе служат монастырские летописи, которые отражали не только личное мнение летописцев, но и атмосферу в братстве. В Оптиной пустыни Февральская революция была встречена как настоящее несчастье. Знаменательны слова летописи в эти дни:

«1–3 марта. Тревожные дни, ужасающие вести и страшные слухи.

4 марта. Грозные известия.

5 марта. Совершилось...

12 марта. Прочитан последний манифест государя с отречением за себя и сына... Буди на всё воля Божия. Не остави нас, Господи, не отрини рабов Твоих, на Тя уповающих, и прибави милость Твою ведущим Тя».

Осенью летопись Оптиной пустыни изобиловала общими диагнозами: «отчаянное состояние России» (31 августа – 1 сентября), «грозные и страшные дни» (8 сентября), «положение безнадёжно» (22 октября). А итог 1917 году подвели в монастыре сразу два летописца. Они сошлись во мнении, что распад и разложение государства стали следствием отхода народа от православной Церкви и измены «законному повелителю» – императору: «Поражён пастырь, и рассеялись овцы стада».

Впечатления оптинцев интересно сравнить с реакцией монахов Валаамского монастыря, также отражённой в местной летописи, которую вёл монах Иувиан (Краснопёров): «6 марта 1917 г. в полдень на Валааме получено грустное известие о совершившемся перевороте в России и об отречении Царя от престола. Первое впечатление от последнего известия было ощущение сиротства, ибо Русь святая немыслима без царя!» Далее летописец пишет: «С этого дня у нас утратилась всякая надежда на победный исход войны: насколько мы были уверены в победе до переворота, настолько потеряли всякую уверенность после падения царской власти, перешедшей теперь в руки лиц, не отвечавших своему значению и народному доверию».

Беседовала Александра Колымагина

Как быть христианином в современном мире

Фрагменты открытой встречи, проходившей в Санкт-Петербурге в мае 2017 года (ведущая – Юлия Балакшина)

Одна из статей Ольги Александровны Седаковой называется «Счастливая тревога глубины». Мне кажется, что наш мир перестаёт испытывать эту счастливую тревогу. Я – не художник, но всё-таки человек, который в музее бывал и привык общаться с произведениями искусства. Я замечаю, что в нашем повседневном бытии начинают доминировать какие-то ядовито-бросающиеся-в-глаза цвета, которые даже не предполагают полутонов. Любая картина строится на игре тени, полутени, светотени. В Рембрандте, которого Манделштам назвал «мучеником светотени», нет бьющих в глаза красок, но есть нюансы и полутона, через которые мы проникаем в глубину его картины, в глубину тех смыслов, которые он хочет передать. А то, что предлагает нам современный мир, – это плоский, однозначный, яркий, бьющий цвет, главная задача которого – поразить наше зрение, наше воображение, захватить нас, взять в плен. Это происходит не только на уровне цвета, это происходит на уровне звука и на уровне слова. Нас начинают окружать объекты «бьющие», наносящие, наверное, даже раны нашему зрению, нашему слуху, и незаметно для себя мы к ним привыкаем и перестаём искать этот вход вглубь.

На наших встречах в рамках проекта, который мы называем «глубокое чтение», мы компанией иногда человек в двенадцать читали какой-нибудь крохотный текст полтора-два часа. И это была попытка сделать шаг в глубину – в глубину слова, в глубину смысла. То, что под тем, что нам кажется поверхностно, можно открыть настоящие глубины, становилось для многих участников наших чтений потрясением. Однако подлинное произведение искусства в любом случае не может быть плоским, плоским может оказаться наш взгляд на него. Но ведь мы утрачиваем эту глубину и в отношениях друг с другом, и в познании самих себя. Мы сами себе начинаем казаться набором примитивных форм и цветов, а ведь где-то внутри нас, может быть, тоже сияет «счастливая тревога глубины». Мы привыкаем к отсутствию этой глубины, к жизненной плоскости. Это то, что я назвала бы второй чертой современного мира.

Еще, наверное, надо сказать о том,

что мы живем в начале века. Если вспомнить начало XIX, начало XX века, мы увидим, что это были рубежные моменты, когда в жизни мира происходили очень важные, очень серьезные переломы, часто связанные с войнами. Внутреннее ощущение того, что мы тоже живем в эпоху приближающегося перелома, есть и у нас – по крайней мере, у людей, чутких к движению времени. Не дай, конечно, Бог случиться глобальной катастрофе мирового масштаба, но всё-таки есть некоторая тревожность от того, что к жизни каждого подступает реальная опасность. Петербург совсем недавно считался городом относительно безопасным, но все мы помним недавний террористический акт в петербургском метро – и вот понимание того, что, как говорил Михаил Булгаков, «человек смертен, более того, внезапно смертен», теперь стучится в наши собственные двери. Ощущение того, что это может быть с тобой, с кем-то из твоих близких и родных, тоже начинает человека внутренне тревожить. Что делать с этим страхом? Что делать с этой внутренней тревогой? Можно, как страус, зарыть голову в песок и делать вид, что ты всего этого не замечаешь, можно бегать и с маниакальным упорством проверять сумки, которые где-нибудь кто-нибудь оставил. Но жизнь не может проходить в состоянии постоянного страха и напряжения. Из этих тупиков тоже нужно искать внутренний выход.

К тому, что происходит с нами непосредственно сегодня, наверное, нельзя не добавить и то, что за плечами у нас непростой век. Мы люди века уже XXI, но век XX, «поистине жестокий век», как говорил Блок, совсем не за горами. Это был век, когда оказались нарушены самые глубинные основания жизни, особенно в нашей стране. Когда человек как таковой перестал быть ценным, когда и вопрос существования Бога был вообще вынесен за скобки целым народом. Нет – так нет. Многие из нас принадлежат к поколению, которое вопросом о Боге даже не задавалось. Помню, когда я была девочкой, во дворе нашлась какая-то бабушка, которая нам сказала про Бога. Мы с подружками ей бойко ответили: «Да ты что?! А ты знаешь, что космонавты летали – и Бога не видели?» И я до сих пор помню этот

Рембрандт Харменс ван Рейн.
Святое семейство и ангелы. 1645 г.

момент, когда какой-то предельный вопрос об основании бытия мира встал передо мной, а я его легко отмела, воспользовавшись расхожим идеологическим штампом. Что с нами в результате произошло? Жизнь наша – и не только каждого из нас, но и всего народа, всей страны, в которой мы живём, – видимо, в корне изменила своё течение.

Так как же быть христианином в современном мире? И что такое – быть христианином? Если бы возможно было просто сказать: христианство – это... и дальше перечислить качества. Но невозможно дать научное определение христианству, как невозможно дать определение самой жизни. Хотя что-то о христианстве, безусловно, мы всё-таки можем сказать. Христианство – это не религия в общепринятом смысле слова. Ведь само слово «религия» происходит от слова «связываю». Религия – это некая форма связи между высшими силами и человеком. Чаще всего эта связь осуществляется через различные формы культа. Человек производит определённые действия, и тем самым он достигает определённого

Окончание на с. 2–3

Как быть христианином в современном мире

Фрагменты открытой встречи, проходившей в Санкт-Петербурге в мае 2017 года

эффекта, его послание доходит до неба. И ему, тоже посредством каких-то определённых действий, приходит ответ.

Христианство – не просто способ связи между уровнями мироздания; оно не просто система «ниточек», «проводов», по которым человек посылает сигналы и получает ответ от высших сил. Христианство – это полнота встречи и общения между Богом и человеком, а не просто «потребительский комбинат», где расписано, «в какой автомат какую нужно бросить денежку, чтобы получить нужный результат». Когда в Библии Бог говорит о том, что Ему нужно от человека, Он говорит очень просто и предельно: «Сыне, дай мне своё сердце». Богу нужен человек, общение с ним. Не «лайки», которые мы друг другу ставим в соцсетях, а полнота отношений. И христианство эту полноту отношений человеку может предложить.

Второе, что я сказала бы о христианстве: это вера в Бога и в человека. Поскольку центром христианской веры является Богочеловек Иисус Христос, это как раз позволяет нам говорить, что мы открываем своё сердце и Богу, и человеку, ведь в Нём и Бог, и человек соединились. Но всё-таки верить в Бога человеку как-то «привычнее». По крайней мере, многие из нас осознают, что жизнь наша в чём-то укоренена, она не случайна. И не только наша жизнь, но и

красоте и законах сообразности этого мира есть безусловное свидетельство о том, что у этого мира есть Тот, Кто его создал. У каждого из вас наверняка есть опыт соприкосновения с тем, что есть некоторая высшая сила, которая жизнь нашу бережёт, направляет, ставит нас перед какими-то вопросами и испытаниями. У кого-то уже есть опыт личных отношений с Богом, у кого-то есть просто какая-то интуиция, какое-то предчувствие того, что Бог есть и направляет и жизнь этого мира, и жизнь каждого из нас.

Но, ещё раз повторю, что христианство – это вера не только в Бога, но и в человека. Может быть, сейчас, особенно после разрушительного XX века, когда человека превращали в лагерную пыль, в номера ээка, когда он уничтожался в газовых камерах, миллионами истреблялся на войне, в человека верить сложнее. Потому что человек оказывался носителем такого абсолютного зла и разрушения, что кажется, не во что тут верить. Но ведь человек действительно похож на икону. В тексте Библии сказано, что человек – это образ Божий. Этот образ может быть очень затемнён, очень искажён, изуродован, но он остаётся иконой. И христианство утверждает: что бы с человеком ни происходило, этот образ неистребим, пока человек остаётся человеком. И верой нашей, а больше, может быть, верой Христовой в каждом из нас этот образ может быть воскрешён.

Как ещё можно было бы определить христианство? Христос говорит о себе в Евангелии от Иоанна: «Я есть Путь, Истина и Жизнь».

Жизнь человеческая – это путь, часто кривой, очень странный и подчас ведущий куда-то вниз. Ведь по природе своей человек не может стоять на месте, не может превратиться в статую – он всё равно как-то движется. Движение – это суть нашей природы. Но вот каков вектор этого пути и есть ли вообще этот вектор? Или путь нашей жизни – какое-то круговое блуждание? Мы можем до бесконечности бегать, как белка в колесе, по кругу нашей жизни. А христианство нам говорит, что жизнь – это Путь. Не тропинка, не дорожка, а Путь с большой буквы, т. е. жизнь, которая может быть выстроена как целостное, целесообразное, наполненное смыслом движение.

Мы часто страдаем, потому что в жизни нет справедливости. Ещё страшнее, когда в жизни нет правды, когда в основании жизни оказывается ложь, когда всё не то, чем кажется. Нас часто «кормят» какой-то неправдой из

прошлого и настоящего. Солженицын когда-то написал, что самое большее, что мы сегодня можем сделать, – это жить не по лжи. В стремлении жить не по лжи уже есть внутренняя жажда правды. Но с другой стороны, мы знаем, что у каждого своя правда. Есть правда Божья и правда человеческая. И есть ещё одно слово: истина. Сама этимология этого слова связана со словом «есть». Истина – это то, что есть, то, что действительно существует; это то, в чём нет призрачности, виртуальности, что никогда не обернётся мыльным пузырём. В жизни человека должно быть что-то подлинное и настоящее. Вот это подлинное и настоящее связано с истиной. И у разных людей по-разному проявляется это чувство истины, чувство подлинности. Бывает, в жизни с нами что-то происходит, и возникает внутреннее ощущение – не то, не то. А бывает, мы чувствуем: вот это – то, что не обманет, это настоящее. И вот это и есть узнавание нашим сердцем той истины, что даёт Христос.

Слово «жизнь» мы тоже понимаем очень по-разному. Сегодня замечательный день, когда весна наконец вступает в свои права. Бывает в середине весны такой день, когда наконец засияет солнце, и жизнь, которая была скрыта до времени, прыснет изо всех порок – это действительно день торжества жизни. И как это прекрасно, как радуется сердце, если оно не совсем окаменело к разнообразным проявлениям жизни. Это торжество жизни мы переживаем и тогда, когда является на свет новый человек, и не бывает, чтобы сердце не возрадовалось от того, что является новая жизнь.

Но все мы прекрасно знаем по опыту закон круговорота жизни, если речь идёт о жизни природной. Та весна, которая сегодня вспыхнет, в конечном итоге сменится увяданием осени, и человек тоже увядает со временем. Поэтому у человека всегда было чувство, сознание того, что он не может жить только вот этой приходящей, проходящей и лишь мимолётно радующей жизнью. Должна быть жизнь, которая не пройдет лишь потому, что прошло три месяца и настала осень. У этой жизни должно быть непреходящее основание. Должна быть жизнь Вечная, жизнь, которая укоренена в Боге, жизнь, которая не истаивает от того, что идёт время. И источник этой жизни может быть только в Боге.

Так вот, христианство – это Путь, Истина и Жизнь.

Как же быть христианином в современном мире? То, что мы нарисо-

К.С. Петров-Водкин.
Портрет Анны Ахматовой. 1922 г.

жизнь всего мира, в конечном итоге, то мироздание, в котором мы живём. Как-то трудно представить, что оно сложилось просто случайно. Всё-таки в самой

вали в начале встречи, когда говорили обо всём, что нас окружает, – не очень радужная картина. Как же это соединить с вещами, действительно самыми важными для человеческой жизни, с тем, без чего наша жизнь не состоится? Потому что кажется, что... нам многое кажется: кажется, что христианство, учение, которое родилось уже две тысячи лет назад, отжило свой век, что современное христианство бросилось в объятия государства и стало не более, чем современной идеологией... Недавно я разговаривала со своей подругой, которая сыну своему, когда он что-то спросил про церковь и христианство, объяснила, что это такая система правил. Но мне кажется, чтобы быть христианином в современном мире, надо в первую очередь освободиться от каких-то стереотипов.

Были клише, которые накладывались на христианство в советское время: это только бабушки в платочках, люди невежественные. И когда выяснилось, что Эйнштейн верующий человек и Сергей Сергеевич Аверинцев, академик, верующий человек, это как-то в общую картину не укладывалось.

Наша эпоха предлагает какие-то новые стереотипы для того, чтобы представить христианство в искажённом виде. И прежде всего моё сердце восстаёт против того, чтобы представить христианство как систему правил. Может быть, кто-то когда-то и воспринимал его так. Но это неверно. Христианство – это, безусловно, единственный путь, единственная возможность для обретения свободы. Других возможностей мир сей не предоставляет. И человек, который отказывается от Бога и от отношений с Ним, оказывается в ситуации, когда что-нибудь в этом мире обязательно наложит на него свою лапу. Что-нибудь или кто-нибудь (иногда имеющее внешне весьма благородное обличье) приберёт его к рукам и заставит себе служить. Но человек, который действительно обретает Бога, вступает в отношения с Ним и начинает Ему служить, обретает и свободу.

Христианство – это, конечно, не система правил, не идеология. И наша задача, Бог даст, прожить так, чтобы не давать использовать христианство в каких-то политических или идеологических целях.

Два дня подряд мне пришлось размышлять о судьбах русских поэтов. Вчера я была на спектакле, который называется «Мандельштам нет» (о судьбе Осипа Мандельштама по воспоминаниям его супруги Надежды Яковлевны), а сегодня – в музее Ахматовой на замечательной экскурсии, где рассказывали про судьбу Ахматовой в советское время. Я думала о том, что действительно есть на белом свете люди, у которых

есть явное призвание от Бога или от природы. Им дан некоторый талант, и этот талант они должны реализовать. Судьба Ахматовой и Мандельштама зависела от того, насколько они остались верны своему таланту. Есть неплохие писатели, которые в советское время свой талант «продали», пропили. Им тяжело было с ним жить, и поэтому приходилось приспосабливаться. А вот если человек верен своему таланту, то даже если его судьба складывается трагически, как у Мандельштама, она имеет вес, имеет смысл. Человек своё призвание исполнил, жизнь свою прожил не в пустоте. Он «бодался» с системой и система его победила – он погиб в лагере. Но в итоге победил он, потому что осталась его личность, остались его стихи, остался след и смысл.

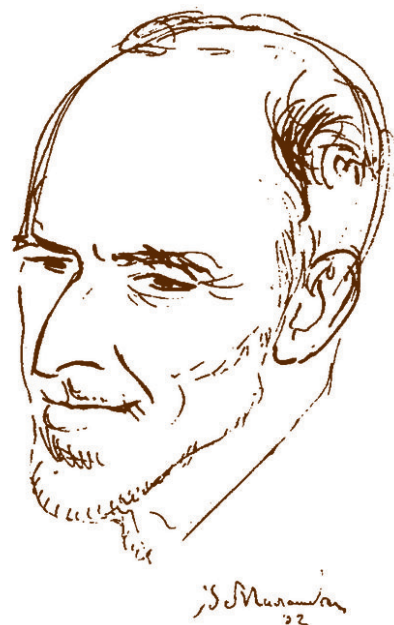
А есть люди, которые не обладают таким талантом, как Мандельштам или Ахматова. Есть мы с вами. И что же с нашим призванием? Получается, если люди не обладают особым призванием, они обречены на то, чтобы не раскрыться в этой жизни, чтобы в повседневности будней потерять себя? Мне представляется (и это не только мой опыт), что христианство даёт возможность реализовать своё призвание любому человеку. Каким бы ни был природный масштаб его личности, каким бы ни был его природный дар, любой человек имеет призвание от Бога. И христианство позволяет человеку это призвание обрести. И может быть, именно это – самый главный ответ на вопрос, как жить христианину в современном мире: жить так, чтобы реализовать это призвание.

А в чём, собственно говоря, это призвание, которое дано каждому человеку? У каждого из нас есть какие-то свои, особые таланты и есть призвание, которое открыто любому человеку, обретающему опыт подлинной веры. Есть очень простая, но очень благородная цель – быть создателями земли, быть теми, кто являет в этом мире силу любви. Бердяев говорил, что есть творчество форм, есть люди, которые призваны создавать художественные произведения – а есть творчество жизни, к которому призван любой человек. В чём выражается это творчество жизни? Видимо, именно в том, чтобы быть в этом мире носителями и свидетелями любви. Потому что это то, без чего не может существовать никакой человек.

Это созидание любви в себе, вокруг себя и может стать призванием каждого человека на земле, если он выбирает путь Христовой жизни. Конечно, этого невозможно достичь просто человеческими усилиями: «Вот, я этого хочу и просто, как фокусник, творю это вокруг себя». Все мы знаем, что в человеке есть источники любви – и слава Богу, что

они есть. И если умирают в сердце человеческом источники любви к другому человеку, родному, ближнему, другу, то человек окаменеет и умирает. Но все мы также знаем, что эти источники любви в нас самих – они такие зыбкие. Мы часто замыкаемся в самих себе, у нас не хватает сил на то, чтобы открыть себя другому человеку. И есть, наверное, только один способ сделать так, чтобы эти источники любви в нашем сердце не оскудевали. Это открытость сердца Тому, Кто Сам является источником этой Любви. Мы вспоминали с вами слова Христа: «Я есть Путь, Истина и Жизнь». А ещё мы можем сказать о Боге, что Он есть Любовь. И когда мы рискуем открыть наше сердце этому источнику, то в нашем сердце этот источник любви оказывается тоже неоскудевающим.

А что значит открыть свое сердце источнику любви? Синоним слова «открытость» – это слово «вера». Нам часто кажется, что если кто-то верит, а кто-то не верит, это просто значит, что кому-то повезло, а кому-то не повезло. А на самом деле открыть своё сердце – это наше духовное усилие, это то, что зависит от нас. Мы всё равно кому-то или чему-то своё сердце открываем, мы всё равно чему-то верим: мы верим в себя, мы верили в прогресс, мы верим в

В. Милашевский.
Портрет Осипа Мандельштама. 1932 г.

науку, в искусство... Но можно открыть своё сердце и поверить Тому, Кто Сам является источником любви, жизни, красоты и правды. И наверное, быть христианином в современном мире – это риск открывания своего сердца Тому, Кто действительно эту жизнь наполняет.

«А я, как есть, предстал перед судом...»

Приходя к Богу, человек на определённом этапе начинает осмысливать свою прошедшую жизнь. Независимо от возраста, пола, национальности, профессии, семейного положения, образования чаще всего он обнаруживает в собственной жизни то, на что раньше не обращал внимания: духовные возможности, иногда упущенные, а иногда нет; то, что Господь был где-то рядом и уже стучался в твоё сердце. Бывает, что человеку хочется эти наблюдения описать, как бы собрать драгоценные моменты в памяти и на бумаге.

Удивительно, что такие личные воспоминания опубликованы. Конечно, это происходит с согласия авторов (и чаще всего под псевдонимом), обычно значительно позже написания. Уже есть, по крайней мере, два сборника, вышедших в издательстве Преображенского братства под названием «Мой путь к Богу и в Церковь». Первый собрал воспоминания людей, приходивших в Церковь в 1990-е годы, а второй, вышедший в 2016 году, – людей, воцерковившихся в 2000-х.

Главное достоинство этих книг – подлинность лично-го, очень искреннего свидетельства тех, кто откликнулся на Божий призыв. Сегодня редко встретишь такой жанр в

литературе – жанр свидетельства, отражающего личный опыт встречи человека с Богом. Этот опыт и этот путь всегда уникален и никогда не повторяется. Однако в пути человека к Богу есть сходные рубежи. Поэтому такие свидетельства могут быть важны для всех, кто ищет свой путь к Богу и в Церковь или уже идёт по нему.

Интересно, что большинство текстов объединяет ещё одно открытие: приходя к Богу, обретая живую и действенную веру во Христа, человек не может не прийти в Церковь – собрание таких же, как он, учеников Христовых. Поэтому такие рассказы – не только взгляд в прошлое, но и попытка осмыслить будущее, которое ожидает человека, когда он приходит в Церковь. В них мы читаем о радости встречи с Богом, о личном завете человека с Ним, о том, как люди в начале пути сомневаются, есть ли смысл в православии, об укреплении их веры в Церковь.

В прошлых номерах «Кифы» мы уже публиковали несколько подобных свидетельств, однако это всегда была проза. Сегодня мы представляем вниманию читателей стихотворные размышления двух братьев об их пути к Богу и в Церковь. Оба они недавно прошли длительную катехизацию.

Анастасия Наконечная

1. Суд

*Я жил отрекшимся от Бога,
Забыв о правде, пребывая во грехе.
Но Он терпел, пока я вне Его чертога
Служил и поклонялся шелухе.*

*При этом, жаждая свободы,
Искал в границах интеллекта своего,
А Он шептал мне, «тонко» намекая,
И просто ускорял распад всего.*

*Разрушив так, до основанья,
Мой Вавилон, мои Гоморру и Содом,
Он сокрушил моих кумиров изваянья.
А я, как есть, предстал перед судом.*

*Не строгим, любящим, но всё же...
С мечом, взнесённым над моею головой,
С клеймом, проказой, грозно тлеющей
на коже.
И я упал. Иссохший, но живой.*

*Душою землю ощущая,
С которой создан и в которую вернусь,
Я понял: только шёпоту Его внимая,
Я обрету свободу и очнусь.*

2. Закон

*Когда, как пламенный дракон,
В душе у нас бушуют страсти!
Со всех сторон летят напасти!
Как хорошо, что есть закон.*

*Когда поникла голова,
И вся душа полна сомнений
И непосильных искушений...
«Исход». Двадцатая глава.*

3. Зеркала

*Когда решишь Его постичь,
Познания рубеж достичь,
Поймёшь, что подлинно велик
Его непостижимый лик!*

*Все звёзды меркнут перед Ним!
А суд Его – не укорим.
Но возлюбив, как есть, тебя
Позволил оразить Себя.*

*И если стоя на краю,
Ты без остатка жизнь свою
Вверяешь этим Зеркалам,
Завеса рвется пополам.*

4. Светлая седмица

*Во славу Господа представши
На агническом пиру,
Мы можем, что-то да познавши –
Быть не от мира, но в миру.*

*По духу ясных откровений,
Увидев таинства нормаль,
Понять – сквозь тернии мгновений
Пути к Нему уходят вдаль.*

*В них распознав своё преемство,
Идя сквозь узкие врата,
Познаем высшее блаженство
В единстве образа Христа.*

Игорь Поликарпов

**

*Господь мой в тишине
незримо отворяет
Непонятый ещё
до новой жизни путь.
Смогу, иль не смогу?
– Он просто доверяет;
И каждому, по просьбе,
откроет Тайны суть.*

*Что может быть желанней:
Любить и быть любимым?
Как может быть иначе
в молитве со Христом?
И в радости, и в грусти
быть с Господом единым,
Спасаемым от смерти
Святым Его Крестом.*

*Прости мне, милый Отче,
сомнения и страхи.
Позволь мой шаг нетвёрдый
держат Тебе во след,
Среди друзей, врагов,
на троне, или плахе;
И до конца пути
Твой вечный видеть Свет.*

Игорь Тимофеев
13.06.2017